

АЛЕКСАНДР ВИТАЛЬВИЧ

СБЕЖАВШАЯ
НЕВЕСТА
ЛЕДЯНОГО
ДРАКОНА

Александр Витальев

**Сбежавшая невеста
ледяного дракона**

«Автор»

2026

Витальев А.

Сбежавшая невеста ледяного дракона / А. Витальев — «Автор»,
2026

Навязанная помолвка с наследником дома Сольвейнов должна была закрыть мою нищую студию, но в день объявления я увидела в его глазах не любовь, а сделку. Я сбежала, спряталась среди пыльных королевских полотен в зимнем дворце и стала работать руками: смешивать пигменты, снимать старый лак, возвращать лицам глаза. Ледяной дракон Ка йрен Сольд, королевский канцлер, приходит за мной с приказом вернуть меня жениху для публичной казни. Вместо ареста он замечает, что восстановленный мной портрет покойной королевы отражает не ее смерть, а готовящийся переворот, и его ледяная магия начинает сохранять мои воспоминания, которые крадет злая кисть. Каждая новая картина доказывает вину его рода, и теперь я должна решить: доверить ключ от чужого заговора мужчине, чье имя уже стоит на брачном договоре, или собрать доказательства самой и потерять то, что делает меня мной.

© Витальев А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Письмо на столе	5
Глава 2. Печать на ладони	12
Глава 3. Чужие духи	19
Глава 4. Письмо из архива	25
Глава 5. Сломанная дверь	31
Глава 6. Долг в книге	37
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Александр Витальев

Сбежавшая невеста ледяного дракона

Глава 1. Письмо на столе

Первое, что я почувствовала с порога, был запах. Чужая гвоздичная сладость забивала скипидар и травяной отвар, к которым я привыкла за две недели. Кто-то побывал здесь ночью, пока замковая печать якобы держала дверь наглухо. Я стянула рукавицы, сунула за пояс и прошла вдоль стены, считая холсты. Один, два, семь, четырнадцать. Все стоят ровно, ни один не сдвинут.

На моем столе, под деревянной линейкой, лежал лист гербовой бумаги с сургучом, на котором оттиснут ледяной вензель. Кайрен Сольд.

Я сорвала печать ножом для реставрации. Бумага хрустнула, и из сгиба выпал конверт с тонким золотым ободком. Внутри оказался браслет из темного серебра с инициалами «Р.С.». Мать Кайрена, умершая в родах. Он не мог отдать реликвию так просто. Кто-то хотел, чтобы я в это поверила.

Я поднесла браслет к лампе. Темное серебро, тонкая гравировка, капля чужих духов на внутренней стороне застежки. На ободке проступил смазанный отпечаток гербовой печати торгового дома Вейн. Лотар Вейн не просто знал, где Кайрен хранит семейные вещи. Он их трогал.

Я положила браслет обратно на конверт, накрыла чистым холстом, прижала пресс-папье и села за стол. Дневник реставрации открыт, рядом чистый лист для инспектора Братства Пера. Я записала дату, время, находку, описала сургуч, печать, крошку малинового пирога на паркетке у двери. Такие пироги пекут только в дворцовой кухне для Сольвейнов. Запечатала свою версию письма о том, что замковая печать нарушена и в мастерской оставлена чужая улика, и прижала сургучом с оленьим рогом в круге.

Тина пришла на мой стук, прижимая к себе моток шерсти. Увидела браслет, втянула воздух и коротко выругалась.

— Вчера ночью видели, как канцлер выходил из крыла Сольвейнов, — сказала она, не здороваясь. — Слуги шепчутся, что он носит подменной невесте записки и сам относит ей сладкое. Регент будто бы в курсе и молчит, потому что свадьба выгодна торговому дому Вейн. А ты, стало быть, последняя, кто об этом узнала.

Я не ответила. Я указала ей на табурет у стены, дала чистый лист и коротко продиктовала описание браслета. Она записывала быстро, высунув кончик языка. Когда закончила, расписалась. Я запечатала лист своей печатью, одну копию отдала ей для инспектора, вторую оставила себе в рабочую папку под опись.

Лар прибежал следом, бледный, с ключом от запасных залов на шее. Сказал, что ночной стражник видел, как из мастерской выходил мужской силуэт в плаще с серебряной застежкой, но лица не рассмотрел в темноте. Я велела ему передать инспектору, что у меня есть вещественное доказательство и я готова показать его в присутствии гильдейского надзирателя. Второй копией того же письма нагрузила Тину, и она зашагала к ткацкой, где утром сидела подменная невеста и заказывала себе кружево.

Я села обратно за стол, надела очки и взяла лупу. Под увеличительным стеклом на серебре проступили мелкие царапинки. Застежку открывали и закрывали много раз, а на ободке ясно виднелся отпечаток гербовой печати Вейнов. Я переписала царапины в дневник, указала порядок и направление линий, приложила к листу оттиск лупой через копировальную бумагу и поставила дату.

К полудню я вернулась к портрету наследника Сольвейнов. Скребок соскользнул, и я замерла, потому что под лаком мелькнуло женское плечо, тонкое, с родинкой у ключицы. У наследника дома Сольвейнов, младшего лорда Лотара, плечи были другие, я помнила их по бальному залу, широкие, обтянутые сукном парадного камзола. Здесь, под верхним красочным слоем, кто-то написал другую женщину, и родинка была живой, теплой, как настоящая.

Лар сидел на своем табурете, протирал белочки кисти барсучьей щеткой и не видел, что я нашла. Я медленно досчитала до десяти и снова наклонилась к холсту. Женщина смотрела чуть вправо, и в правом углу, за виском, я увидела край знакомой броши, крупной, фамильной, с каплевидным изумрудом в серебряной оправе. Я работала над этой брошью десять лет назад, когда меня взяли в подмастерья, и закрепляла в ней камень перед первой выставкой гильдии. Тогда брошь была заготовкой для подменной невесты в парадном портрете наследника, и мастер улыбался, показывая мне, как прячут лицо под верхним слоем. Я не думала, что эта брошь вернется ко мне через десять лет и сядет на грудь женщины с чужого плеча.

Лар поднял голову, и я прижала палец к губам, потому что шаги за дверью были слишком ровными для слуги и слишком тяжелыми для мастера. Кто-то постучал условным знаком, два коротких, один длинный, и я узнала этот стук. Так стучал Йонас Тарен, мой бывший наставник.

— Открыто, — сказала я. Лар накрыл портрет чистым холстом, и я кивнула ему, правильно, не показывать чужое лицо раньше времени.

Йонас вошел в рабочем фартуке, с пенсне на лбу и с кожаным тубусом под мышкой. Он остановился у порога, посмотрел на меня так, как смотрят на ученика, который залез на чужую крышу, и я выдержала его взгляд первой.

— Я слышал, что гильдия закрывает твою лицензию, — сказал он. — Я принес тебе реестр подмастерий десятилетней давности. Там есть подпись девушки, которая работала над брошью для подменной невесты. Эта девушка нынешняя невеста Лотара Вейна.

Я взяла тубус, и у меня похолодели пальцы. Йонас знал, что я работала над той брошью. Он подписал мне тогда направление на подмастерье. Теперь он приносил мне доказательство, что подменная невеста бывшая подмастерья гильдии.

— Зачем ты это делаешь?

— Потому что я тебя учил. И потому что я сам подменил один из ранних портретов двадцать лет назад. Я не хочу, чтобы твою работу закрыли так же, как закрыли мою.

Он положил на стол ключ от запасного зала, где хранились подменные холсты Сольвейнов. Ключ был ношенным, с заусенцем на бородке. Йонас давно ходил в этот зал.

— У тебя три дня. Послезавтра слушание. Если ты подашь встречное прошение с этим реестром, инспектор Братства Пера откроет дело о подмене невесты и лицензию не закроют. Я буду свидетелем.

Я посмотрела на ключ, на реестр, на Йонаса. Я могла отказаться и оставить все как есть. Но тогда подменная невеста сядет на трон через фиктивную свадьбу.

— Останешься как свидетель. Лар, запиши его показания. Йонас, диктуй мне точные даты и имена.

Йонас сел на табурет напротив меня, и мы начали работать. Бумага шла от руки ровно, потому что я вела кистью по линейке и считала строки про себя. Когда опись была готова, я поднялась, сняла фартук, повесила на гвоздь у двери и вышла.

В коридоре пахло холодной золой и подгоревшим луком. Тина ждала у поворота к ткацкой, прижимая к боку перевязанную руку. Повязка сползла, я заметила розовое пятно на льне.

— Дай посмотрю, — сказала я тихо.

Она мотнула головой и пошла вперед. Я пошла за ней. Мы свернули под арку, мимо кадки с сухой фасолью, мимо стены, на которой кто-то из кухонных выцарапал углем снежинку. Тина остановилась у своей двери, достала ключ из-за обмотки на поясе ипустила меня внутрь.

В ткацкой пахло овечьей шерстью и дубовым отваром. На стуле у окна сидел Лар, бледный, с прижатым к груди локтем. Увидел меня, вскочил, выронил моток серой пряжи.

— Я не за тобой. Сядь. Что с рукой?

Он сел, вытянул локоть. Рукав рубашки закатан, на сгибе красная полоса, содранная до мяса. Я посмотрела на Тину. Она отвернулась к полке с катушками.

— Упал на крыльце, — сказал Лар.

Я знала, как выглядит след от ремня и как выглядит след от перил крыльца. Крыльцо было обледенелое, но ремень оставляет ровный край, а перила рваный. Этот был ровный.

— Дай свой локоть.

Лар протянул руку. Я сняла с пояса свой запасной льняной лоскут, намочила в миске с дубовым отваром, отжала и приложила. Лар дернулся, потом замер. Я прижала лоскут ладонью поверх его локтя и держала, пока он не перестал дышать часто.

— Кто?

— Не твое дело, мастер Ланвей.

— Мое. Ты носишь мне записки.

— Мать велела.

Я промокнула рану чистым углом лоскута и посмотрела ему в лицо. У него дрогнула губа, и он отвернулся к окну. Тина у полки со стуком опустила катушку.

— Если ты не скажешь, я пойду к инспектору и попрошу осмотр. И мать твоя узнает, что тебя бьют не за то, что ты уронил ведро.

Лар стиснул зубы. Потом сказал тихо:

— Начальник караула. За то, что вчера принес тебе хлеб от канцлера.

Я перестала дышать на секунду. Потом выдохнула, сняла локоть, отдала лоскут Тине.

— Спасибо. Больше не носи мне ничего от канцлера через черный ход.

Лар поднял на меня глаза, и я увидела в них упрямую мальчишескую обиду.

— Он хороший. Он мне перчатки дал, когда у меня пальцы посинели.

— Знаю. Поэтому больше не носи. Я сама к нему пойду.

Тина фыркнула и убрала лоскут в жестяную коробку под полкой. Я поднялась, отряхнула колени и пошла к двери. У порога остановилась и обернулась.

— Лар. Завтра утром я беру тебя в подмастерья. Если мать не пустит, скажешь ей, что временная хранительница коллекции просит. Если и тогда не пустит, придешь сам.

Он кивнул, неловко, как кивают, когда не верят, что обещание сдержат. Я кивнула в ответ и вышла.

В коридоре было тихо. Я пошла обратно к мастерской, но на полпути передумала и свернула к кладовой за мешками с крупой. Дверь была не заперта. Я зажгла огарок свечи, нашла полку с книгой долгов и положила ладонь на корешок. Бумага под моими пальцами была холодная, как камень. Через час я верну ее в канцелярию.

В коридоре слышались шаги, тяжелые, мужские, в подкованных сапогах. Я задула свечу, отступила за кадку с чечевицей и стала считать. Шаги прошли мимо. Я выждала минуту и вышла.

У двери мастерской стоял Кайрен Сольд без мундира, в серой рубашке с расстегнутым воротом, с инеем на плечах. В руке у него была корзина, накрытая льняной тряпкой, и пахло от нее ржаным хлебом и козьим сыром.

Я остановилась напротив него. Он посмотрел на меня, и я увидела, что у него под глазами синева, какая бывает у людей, которые не спали двое суток.

— Лар больше не носит тебе хлеб. Начальник караула бьет его за это.

Кайрен не двинулся. Только пальцы на ручке корзины побелели.

— Я не знал.

— Теперь знаешь.

Он поставил корзину на пол у порога, выпрямился и посмотрел мне в лицо. Я не отвела взгляд.

— Мастер Ланвей, мандат на твой арест подписан мной. Я обязан его исполнить. Но я не отдам тебя роду Сольвейнов. Я отдам тебя суду, если потребуется, но не им.

— Мне все равно, кому ты меня отдашь. Мне важно, что ты подписал.

Он кивнул. Один раз, коротко.

— Я подписал и не отказываюсь. Я прошу только об одном. Не уходи из мастерской до утра. Утром я приведу инспектора и начальника стражи. Если ты к тому времени вскроешь портрет наследника и покажешь им, что под лаком, мандат станет не нужен.

Я посмотрела на корзину. Потом на его руки. Потом на дверь мастерской.

— Поставь корзину на порог и уйди. Я позову тебя, когда закончу.

Он поставил корзину, отступил на шаг и пошел по коридору. Я слышала его шаги, пока они не стихли за поворотом. Потом я подняла корзину, вошла, заперла дверь на ключ и положила корзину на стол рядом с реестром и браслетом. Хлеб пах тмином и ржаной мукой. Я отломала кусок, отрезала ломоть сыра и съела стоя, не садясь. Потом вернулась к портрету наследника и взяла кисть.

Я не успела обмакнуть кисть, как услышала, что в замке поворачивается ключ. Не мой. Мой лежал в кармане фартука, и я только что заперла дверь на два оборота. Этот звук был тоньше, суше, с едва слышным скрежетом, как будто кто-то водил отмычкой по личинке, а не поворачивал ключ. Я медленно опустила кисть в банку с травленным маслом, не сводя глаз с двери. Лар у плиты замер с деревянной ложкой в руке.

Замок щелкнул, дверь открылась внутрь. На пороге стояла Старая ключница Дара. За ее спиной в коридоре горел факел, и в его свете я видела только ее лицо, спокойное, без улыбки, как всегда. В руках она держала связку ключей и небольшой глиняный горшок, прикрытый чистой тряпичей.

Я не двинулась с места.

— Я просила меня не беспокоить, — сказала я, и мой голос прозвучал ровнее, чем я ожидала.

— Знаю, мастер Ланвей, — ответила она и вошла, не спрашивая разрешения. — Принесла мазь. Рана под ребрами у Тины загноилась. Промывать дубом мало, нужен мед с воском и зверобоем.

Она поставила горшок на край стола, рядом с моими склянками, не задев ни одной. Потом посмотрела на меня, не на дверь, не на окно, не на браслет под пресс-папье. Именно на меня.

— Девочка моя пришла к тебе ночью, — сказала она тихо. — Ты промыла ей рану, не позвала лекаря, не рассказала никому. Это я знаю. Но крючок ткацкого станка ржавый, и рана уже красная по краям. Если мазь не положить до полуночи, придется резать.

Я промолчала. Она не спрашивала, не благодарила, не упрекала. Она сообщала цену. Если Тина ляжет в лазарете, некому будет стоять у двери ткацкой, некому будет носить записки, некому будет видеть, кто входит и выходит из ледяного крыла ночью. Тина была моими глазами вне мастерской. Без нее я буду глухой.

Я кивнула.

— Мазь оставь. Я сама отнесу.

— Не отнесешь, — сказала Дара так же ровно. — У тебя караульный у ворот. Если ты выйдешь из мастерской после заката, тебя задержат как беглую невесту, и мазь не поможет ни мне, ни тебе, ни ей. Я отнесу сама. У меня есть ключ от ткацкой. Но мне нужно знать, что написать в записке для лекаря, если ты не вернешься к утру.

Она смотрела на меня и ждала. Лар у плиты перестал дышать.

Я подошла к столу, взяла чистый лист из стопки, что принес мне инспектор для протокола, и написала три строки: «Рана под ребрами слева, рваная, от крючка. Промыта дубом и шалфеем. Наложена повязка. Если жар и краснота не спадут к утру, вскрыть и зашить». Поставила дату, подписалась «Мира Ланвей, временная хранительница», и протянула лист Даре.

Она взяла бумагу, прочитала, сложила вчетверо и спрятала за пазуху. Потом достала из кармана передника маленький сверток в холстине.

— Это тебе, — сказала она. — От меня лично. Не от дома Сольдов.

Я развернула. Внутри лежал кусок козьего сыра, обернутый в лист лопуха, и три сушеных груши. Не подарок, еда. Еда, которую не надо варить, не надо ждать, можно есть прямо сейчас одной рукой, держа в другой кисть.

Я посмотрела на нее. Она стояла ровно, не мигая, как стоит у двери, когда знает, что за ней стоит кто-то, кого лучше не впускать.

— Кто приходил к Тине до меня? — спросила я.

— Двое из башни Сольвейнов, — ответила она. — Спрашивали, носит ли она записки. Она сказала, что нет. Ее ударили крючком не потому, что поверили. Ударили, чтобы проверить, побежит ли она к тебе.

Я закрыла глаза на секунду. Потом открыла.

— Тина знает, что я не выйду до утра?

— Знает, — сказала Дара. — Я ей сказала. Она ждала тебя до второго часа ночи, потом легла. Рана горит, но терпит.

— Передай ей, что мазь принесешь ты, и что я приду завтра после полудня, когда караульный сменится.

— Передам, — сказала Дара. — Но учти, мастер Ланвей. Завтра после полудня у ворот будет стоять не рядовой стражник. Брат Лотара Вейна просил у регента разрешения навестить «пропавшую невесту дома Сольвейнов». Ему отказали, но он подал второе прошение. Если регент подпишет, он войдет во двор с двумя свидетелями и потребует, чтобы тебя вывели к нему. У него есть бумага от торгового дома, что помолвка не расторгнута, пока не выплачен выкуп за обучение.

Я сжала пальцы на кисти. Дерево было теплое от моей руки.

— Помолвка расторгнута, — сказала я тихо. — Регент снял печать.

— Печать снята, — согласилась Дара. — Но выкуп за обучение не уплачен. Дом Сольвейнов имеет право требовать его через суд. Пока суд не решит, формально ты должна либо заплатить, либо вернуться в башню. Лотар Вейн это знает. Поэтому он и просит разрешения войти. Не как жених. Как кредитор.

Я положила кисть в банку. Медленно, чтобы не хлопнула.

— Сколько? — спросила я.

— Сто крон серебром, — ответила Дара. — Или пятнадцать лет работы в мастерской дома Сольвейнов без права уйти.

Пятнадцать лет. Мать продала меня за пятнадцать лет. Теперь дом Сольвейнов хочет продать меня снова.

— Откуда ты знаешь? — спросила я.

— Я ключница, — сказала Дара. — Я слышу, о чем говорят за закрытой дверью. И я читаю то, что попадает в корзину для сожжения. Вчера в корзину попала копия. Сегодня я положила ее обратно в стол к регенту. Если хочешь, чтобы она там легла навсегда, тебе нужно письмо от инспектора Братства Пера, что дело о подмене невесты закрыто как беглой. Тогда требование выкупа теряет силу.

Я посмотрела на нее. Впервые за все время я увидела в ее глазах что-то кроме порядка. Там была усталость. Усталость женщины, которая тридцать лет хранила ключи от чужих дверей и ни разу не воспользовалась ни одним из них для себя.

— Зачем ты мне это говоришь? — спросила я.

Она помолчала. Потом ответила:

— Потому что мой сын стоит у твоей плиты и учится у тебя держать кисть. Если тебя заберут в башню, он останется с ложкой в руке и без мастера. А у меня не хватит денег выкупить его из приюта, если я потеряю место.

Она подняла связку ключей, повернулась к двери. У порога остановилась.

— Мазь я отнесу сейчас. Тина ляжет спать с повязкой. Утром я пришлю Лару записку, как она. Если будет хуже, постучу в дверь мастерской трижды. Это будет значить, что нужна ты лично, а не лекарь.

Я кивнула.

Она вышла. Дверь закрылась. Замок повернулся снаружи, ее ключом, не моим. Я слышала ее шаги по коридору, пока они не стихли за поворотом.

Лар выдохнул и сел на табурет. У него тряслись руки.

— Мастер Ланвей, — сказал он шепотом. — Это же неправда, что вы должны им пятнадцать лет?

— Нет, — сказала я. — Это правда. Просто не вся. Я должна показать суду, что вся правда уже в его руках, и тогда он сам решит, что пятнадцать лет, это слишком много за обучение, которое мне не дали.

Он посмотрел на меня, и я увидела, как в его глазах что-то сдвинулось. Не страх. Понимание.

Я взяла со стола чистый лист и написала второе письмо инспектору Братства Пера. Короткое, без даты, без подписи.

«Если завтра после полудня у ворот мастерской появится Лотар Вейн с требованием выкупа за обучение, прошу подтвердить, что дело о подмене невесты закрыто. Иначе меня увезут в башню, и осмотр зала подменных холстов придется отложить. Без моих показаний суд не сможет установить, кто подписывал контракт от моего имени».

Сложила, запечатала сургучом с собственной печатью реставратора, маленький олений рог в круге, и протянула Лару.

— Отнесешь сейчас. Через черный ход, через кухню, через двор к западным воротам. Если спросят, несешь траву для мастерской. Если остановят, покажешь печать и скажешь, что письмо срочное, от временной хранильницы коллекции. Никому не отдавай, кроме инспектора лично в руки.

Он взял письмо, спрятал за пазуху, натянул шапку и вышел через заднюю дверь. Я слышала, как скрипнула ступенька у порога, потом шаги по снегу.

Я осталась одна.

В мастерской пахло скипидаром, чужими духами и козым сыром. На столе лежал браслет с инициалами Р.С., под пресс-папье. Рядом, горшок с мазью, который принесла Дара. Еще дальше, реестр подмастерий в кожаном тубусе. Я посмотрела на окно. Лотар Вейн уже ушел со двора. Темнело.

Я вернулась к портрету наследника, взяла кисть и сняла еще один слой. Под охрой проступил контур женского плеча. Я работала молча, и единственным звуком в мастерской было мое дыхание и шорох кисти по старому холсту.

На столе лежало официальное уведомление. Гильдейский надзиратель требовал от меня образец пигмента с портрета наследника Сольвейнов в течение трех дней как доказательство моей компетентности. Если я не предоставлю образец, лицензию временной хранильницы коллекции аннулируют и передадут дело в канцелярию. Внизу стояла размашистая подпись надзирателя и сургучная печать с гербом, который я видела на руках у инспектора Братства Пера.

Я сложила письмо и убрала в карман фартука. Если я отдам образец пигмента, гильдия получит право вскрыть верхний слой портрета без моего участия. Если не отдам, меня отдадут канцелярии, где ждет мандат Кайрена. Оба хода вели к одному столу, за которым я уже сидела в день побега.

Лар кашлянул и показал глазами на окно. Я подняла голову и увидела, как по двору идет Лотар Вейн, в новом плаще с серебряной застежкой, и смотрит прямо на мое окно. Я не отвела взгляда. У меня есть опись браслета, два свидетеля и работа, которую нужно закончить до темноты. Я снова взяла кисть и вернулась к портрету, потому что работа была единственным языком, на котором я умела отвечать сразу всем.

Глава 2. Печать на ладони

Я вытерла руки о холщовую тряпку, подняла фонарь и постучала в дверь мастерской. Не потому что стучать было вежливо, а потому что замок здесь слушался не меня. Сторож ключницы Дары, мокрый после ночной смены, смерил меня взглядом сытого пса: мол, опять ты.

— Мира Ланвей, временная хранительница коллекции, — повторила я. — Ключ.

Он почесал подбородок, достал связку. Тяжелый медный ключ лег в мою ладонь холоднее, чем я ожидала. На торце его была выбита цифра семь и мелкая снежинка — знак ледяного крыла. Значит, за мной действительно оставляли эту дверь. Я сжала ключ, чтобы не показать, как он обжег кожу.

В мастерской пахло старым лаком, пчелиным воском и лавандой. Тридцать два портрета в ряд стояли лицом к стене, как воспитанные дети на уроке. По уставу гильдии с них полагалось снимать верхний слой только после одобрения инспектора и только в присутствии свидетеля. Свидетеля у меня не было, одобрения — тоже. Зато был фонарь, тряпка и собственный дар, который сжигал меня изнутри всякий раз, когда я снимала чужой лак. Я достала из саквояжа плоскую стеклянную пластину, набор костяных лопаток и тонкую кисть из ворса козы. Положила все на стол, накрытый клеенкой. Руки у меня были теплые, и клеенка сразу запотела.

Я выбрала портрет покойной королевы. Он стоял последним в ряду, самый большой, почти в мой рост. Рама потемнела от времени, углы тронула плесень. Я подтащила к нему табурет, зажгла второй фонарь, устроилась поудобнее. На портрете королева смотрела строго и печально, как и положено мертвой правительнице. Под лаком что-то слабо блеснуло. Я поднесла лампу ближе. Глаза на холсте дрогнули.

Я замерла. Сердце стукнуло в горле, в ушах зазвенело. Глаза на портрете двигались. Не отслоение краски, не трещина, не моя усталость — под слоем желтого старого лака кто-то смотрел на меня изнутри рамы. Я медленно опустила лампу и перевела дыхание. Руки у меня дрожали, и я стиснула кисть, чтобы не выронить.

Лопатка скользнула под лак легко, как нож в масло. Я снимала его миллиметр за миллиметром, останавливаясь каждые полминуты, чтобы промокнуть тряпкой. На пятом сантиметре открылось лицо другого человека — мужского, с тяжелой челюстью, с родинкой у виска. Под ним проступила кисть руки, протянутая вперед, и кольцо-печать, которую я хорошо знала по уставу дома Сольвейнов. На мужском пальце сидело то самое кольцо, которое много лет назад переходило из рук в руки в ночь переворота. Я выдохнула и осторожно сняла следующий слой. Второй человек. Те же черты дома, те же скулы, но моложе. Он протягивал кольцо первому, и на их ладонях была кровь — старая, бурая, впитавшаяся в краску. Сцена была невозможной. Королева не могла заказать себе такой подарок.

Я отложила лопатку. Поднесла ко рту кулак и прикусила костяшку. Перед глазами стоял не портрет, а руки мертвых мужчин, протянутые через двадцать лет лака. Что-то подсказывало мне, что это не выдумка, не фальшивка. Это память, запечатая в краске. Я медленно достала из кармана записную книжку, огрызок карандаша. Записала дату, номер холста, описание. Почерк у меня дрожал, но я привыкла. Я всегда пишу дрожащим почерком, когда нахожу чужую тайну.

Дверь мастерской открылась без стука. Я захлопнула записную книжку ладонью, но вошел не стражник. В проеме стоял Кайрен Сольд. Он был в рабочем мундире, без перчаток, и кончики пальцев у него уже тронула изморозь — след его драконьей крови, который он плохо контролировал в тепле. Он посмотрел на меня, потом на портрет, потом на мою ладонь, прижатую к записной книжке.

— Я слышал, ты взяла ключ, — сказал он. Голос у него был ровный, но тихий, чуть хриплый после ночи.

— Ключ мне дали, — ответила я. — И я его верну.

Кайрен вошел, не спрашивая разрешения. Подошел к столу, скользнул взглядом по стеклянной пластине, по тряпке с остатками лака. Я видела, как он задержал дыхание, рассматривая снятый мной слой. Потом он выпрямился и впервые посмотрел мне в глаза.

— Что ты нашла?

Я молчала, прижимая книжку к груди. Сказать правду означало ввязаться в чужую войну. Промолчать — оставить кольцо Сольвейнов под слоем лака еще на двадцать лет. Кайрен не торопил. Он просто стоял, и от его пальцев на паркете медленно расплывалось ледяное пятно. Мне показалось, что он ждал этого разговора дольше, чем я жила в этом крыле. Я убрала ладонь с книжки.

— Здесь передача кольца-печати, — сказала я. — Ночь переворота. Двое. Кровь на холсте.

Кайрен не двинулся. Только его зрачки сузились, и по его виску прошла тонкая трещина изморози, как будто внутри него что-то треснуло от мороза. Он протянул руку к портрету, и я невольно отступила, чтобы его пальцы не коснулись моего плеча. Кончики его пальцев замерли в сантиметре от краски.

— Ты уверена? — спросил он.

— Я реставратор, — ответила я. — Я вижу подделку, фальшивый слой и кровь. Я не ошибаюсь.

Кайрен медленно опустил руку. Я видела, как он пересчитал что-то в голове, как сжал челюсть, как решил не спрашивать, зачем мне ключ от его собственного крыла. Потом он поднял фонарь и посветил на снятый мной слой. Я заметила, как побелели костяшки его руки, державшей фонарь. Он смотрел на холст так, будто видел там что-то знакомое.

— Я не уйду, — сказала я. — Ключ мне дали.

Кайрен выпрямился. С минуту мы молчали, и я слышала, как за стеной кто-то из стражи прокашливается, проходя мимо. Потом он сделал шаг назад, к двери.

— Ключ отдашь Даре, — сказал он. — Если начнешь снимать лак без свидетеля, я лично закрою эту дверь.

Он ушел. Я слышала, как за его спиной хрустнул снег под подошвой, и только потом поняла, что забыла спросить, зачем он на самом деле приходил. Я медленно положила ладонь на снятый слой портрета. Краска была теплая, живая, как человеческая кожа. Внутри мастерской пахло лавандой, лаком и его морозом. Я знала, что теперь не уйду. Не смогу.

Ключ обжег мне ладонь через перчатку, и я перехватила его по-другому, чтобы не оставлять красный след. Сапоги скользили по мокрому камню черного хода, шерстяной подол плаща цеплял за ящики с углем. Я несла саквояж левой рукой, правой прижимала к груди записную книжку. Лестница скрипнула, и я замерла, считая до десяти. Тишина. Только дыхание и сердце где-то под ключицей.

— Ключ мне дали, — ответила я. — И я его верну.

— Что ты нашла?

— Здесь передача кольца-печати, — сказала я. — Ночь переворота. Двое. Кровь на холсте.

— Ты уверена? — спросил он.

— Я реставратор, — ответила я. — Я вижу подделку, фальшивый слой и кровь. Я не ошибаюсь.

— Кто еще знает? — спросил он, не отрывая взгляда от краски.

— Только я.

Он кивнул, словно я подтвердила то, что он и так подозревал. Потом отступил, и ледяное пятно под его ногой зашипело, впитываясь в паркет. Он снял с пальца серебряный перстень с

тусклым камнем — тот самый, что носил сутками, не снимая перед сном. Положил его на край стола, рядом с моей кистью. Камень был холодный, почти синий.

— Память, которую ты отдашь за следующий слой, я заморожу здесь, — сказал он. — Если не верну — кольцо само вернется к тебе. Это условие.

Я смотрела на перстень, и внутри меня что-то сжалось. Цена сделки уже была названа. Я не знала, что именно у меня заберут: лицо матери, ее голос, первый день в мастерской, запах отцовской краски — что-то из этого я потеряю, когда сниму следующий слой. Кайрен ждал. Я протянула руку и коснулась камня кончиками пальцев. Лед обжег кожу, но я не отдернула.

— Условие принято, — сказала я.

Он кивнул, убрал перстень обратно на палец и сделал шаг к двери. У порога задержался, не оборачиваясь.

— Завтра принесу образец пигмента для надзирателя. И реестр коллекции. Дара покажет, где архив.

Дверь закрылась. За стеной процокали каблуки стражи, потом все стихло. Я медленно положила ладонь на снятый слой портрета. Краска была теплая, живая, как человеческая кожа. Внутри мастерской пахло лавандой, лаком и его морозом. Я знала, что теперь не уйду. Не смогу. Ключ я сожму в кулаке до самого утра, а утром отнесу его Даре, как он велел. И попрошу второй.

Ключ я сжала в кулаке так, что серебро врезалось в ладонь. За стеной мастерской кто-то ходил — тяжелые мужские шаги, мерные, как удары метронома. Я узнала их: так ступал начальник храмовой стражи, когда обходил ночные посты. Его шаги прошли мимо двери и стихли за поворотом. Я перевела дыхание и разжала пальцы. На ладони остался красный полумесяц.

Я подошла к окну. За стеклом висела ночь без луны, только далекие фонари казармы. На подоконнике стояла забытая кем-то чашка с остывшим травяным отваром, и от нее тянуло мятой и чем-то горьким. Я машинально отодвинула чашку подальше от тряпок с лаком — запах мог пропитать свежий слой. Движение вышло привычным, почти домашним, и от этого стало обиднее. У меня больше не было дома. Была мастерская, в которую меня пустили на одну ночь, и ключ, который я обязана вернуть утром.

Я вернулась к столу и достала из саквояжа записную книжку. Огрызок карандаша нагрелся в руке. Я записала время, номер холста, описание сцены. Почерк у меня снова дрожал, и я переписала строку дважды. Привычка: чужие тайны я всегда записываю дважды — один раз для памяти, второй для страховки. Закончив, я прижала ладонь к обложке и посидела так с минуту. Сердце билось ровно, но в висках звенело.

Тогда я услышала второй шаг. Тихий, без каблуков, с легким шорохом подошв по паркету. Он остановился у двери. Я узнала его раньше, чем раздался стук — два коротких удара костяшкой, как будто он стучал не в дверь, а в собственное терпение. Я не двинулась. Стук повторился. Я встала, одернула манжет, на котором еще держалось пятно свежей реставрационной краски, и открыла.

Кайрен Сольд стоял на пороге без мундира, в простой серой рубашке с закатанными рукавами. Волосы у висков были влажные — он только что умывался. В руке он держал небольшой сверток, перевязанный бечевой. От него пахло холодной водой и чуть-чуть тем самым морозом, который оставался на его коже после бессонной ночи. Он не вошел — ждал, пока я отступлю.

— Я подумал, ты голодная, — сказал он. Потом добавил тише: — В казарме все спят. Я не стал будить кухню.

Я взяла сверток. Бечева была завязана простым узлом, без печати, без записки. Внутри лежал кусок ржаного хлеба, ломоть козьего сыра и два тонких ломтика вяленой груши. Еда

была простая, почти солдатская, и от нее пахло домом, которого у меня не осталось. Я замерла на пороге, не зная, что важнее — поблагодарить или захлопнуть дверь.

— Спасибо, — сказала я наконец. — И за пигмент для надзирателя тоже.

Он кивнул, не улыбаясь. Потом посмотрел мимо меня, на стол, где лежала записная книжка. Я не успела прикрыть ее — она осталась раскрытой, с моим дрожащим почерком на виду. Кайрен не сделал шага внутрь. Он просто стоял, и я видела, как он считает слова на странице одними глазами. Его взгляд скользнул по строчке «кровь на холсте» и задержался там.

— Мира, — сказал он, и впервые за всю ночь назвал меня по имени.

Я вздрогнула. До этого он обращался ко мне либо через дверь, либо через записку. По имени — никогда. Я сжала ручку двери так, что костяшки побелели, и почувствовала, как от его голоса по коже пошел холод. Не ледяной, нет — другой. Как будто кто-то провел по запястью холодным шелком.

— Ты не вернешь ключ утром, — сказал он. — Ты его уже решила оставить.

Это был не вопрос. Я не стала врать. Я слишком устала, чтобы врать, и слишком зла, чтобы притворяться.

— Я его верну, — ответила я. — Когда закончу работу.

— Работы хватит на всю зиму, — сказал он тихо. — Ты знаешь, на что подписалась.

Я знала. Я уже знала цену следующего слоя — и следующего, и того, что после. Лицо матери, ее голос, первый день, когда отец поставил меня к мольберту, запах его краски — что-то из этого я потеряю, прежде чем закончу. И все равно не отступила.

— Кайрен, — сказала я, и у меня пересохло в горле. — Зачем вы принесли хлеб?

Он посмотрел на меня. В полумраке мастерской его глаза были темнее, чем я помнила, и в них дрожал отсвет моей лампы. Он не ответил сразу. Потом протянул руку — не ко мне, а к двери. Его пальцы легли рядом с моими, на косяк, в пальце от меня. Я почувствовала холод его кожи, хотя он меня не коснулся.

— Потому что ты могла уйти, — сказал он, — а осталась. Потому что в казарме никто не останется.

Я не поняла. Он отступил, убрал руку, развернул плечи — и ушел. Шаги его были почти неслышны, только паркет чуть поскрипывал. Я закрыла дверь, прислонилась к ней спиной и стояла так, пока не перестала дрожать. В руке у меня остался сверток с хлебом. Я развернула его, отломила кусок и надкусила. Хлеб был теплый, как будто его пекли сегодня утром, а не вчера. Я жевала и смотрела на портрет. Глаза на холсте смотрели на меня. Я знала, что теперь не уйду. Не смогу. Завтра я попрошу у Дары второй ключ, а у Кайрена — реестр. И буду снимать слой за слоем, пока не дойду до самого дна.

Я доела хлеб, аккуратно собрала крошки в ладонь и ссыпала в ящик с тряпками — завтра отдам птицам во дворе, если выпустят. Сыр завернула обратно в бечеву и положила под лампу: к утру он застынет, и я съем его с чаем, который мне еще никто не обещал. Грушу я надкусила сразу — сладкая, с терпкой ноткой, как будто ее сушили не на солнце, а в тени чердака. Вкус был незнакомый, и я поняла, что не знаю, откуда Кайрен принес еду. Из казармы, сказал он. Но в казарме не сушат груши на чердаке. Эта мысль осталась во мне занозой, и я не стала ее трогать.

Я вернулась к портрету и зажгла вторую лампу. Снятый слой лежал передо мной на столе, как чужая кожа, и я разгладила его пальцами, чтобы не свернулся. Под лампой стали видны мелкие детали: в углу холста, под слоем охры, проступала тонкая вязь букв. Я наклонилась ближе и разобрала только две: «перст» и «ночь». Остальное ушло под следующий слой, и снимать его сегодня я не могла — не было сил, не было растворителя, не было права.

Я записала буквы в книжку, подчеркнула дважды и поставила вопрос: чей перстен, какая ночь. Потом подняла глаза и поймала себя на том, что вслух произношу «мама». Не обращение, не зов — просто слово, которое вырвалось, когда я поняла, что не помню, как она сидела

за пальцами. Не лицо — лицо я помнила смутно, как пятно на старой скатерти. А именно посадку: где у нее были руки, как падали плечи, в какую сторону она наклоняла голову, когда шила. Этого куса уже не было. Я почувствовала, как внутри что-то сухо хрустнуло, и сжала карандаш так, что он треснул.

Я положила огрызок и взяла чистый лист. Переписала буквы снова, другим почерком, мельче, как будто прятала запись от самой себя. Потом отодвинула стул и встала. Ноги затекли, в колене стрельнуло, и я оперлась о край стола, пережидая, пока отпустит. За стеной снова процокали каблуки — на этот раз быстрее, чем раньше. Я посчитала шаги. Шесть, семь, восемь. Остановились. Дверь мастерской не открылась, но в коридоре зашептались. Я не разобрала слов, только интонацию: тревогу, не приказ.

Я подошла к двери и приложила ухо к филенке. Голос был женский, незнакомый, с той мягкой хрипотцой, которая появляется, когда человек шепчет слишком долго. Потом второй голос, тоже женский, постарше и суше. Я узнала его — так говорила Дара, когда отчитывала кухарок за пересоленный бульон. Разговор был короткий. Дара сказала: «Не сегодня». Ей ответили: «Герцогиня ждет». Дара повторила: «Не сегодня. Лар принесет записку утром». Шаги удалились.

Я отступила от двери и села на табурет. Руки у меня дрожали, и я спрятала их под передник. Герцогиня Рейна Сольд хотела видеть меня именно сейчас, ночью, когда в коридорах только стража и тени. Я не знала зачем, и именно поэтому не могла согласиться. Но и отказать напрямую я не имела права: я гостья в чужом доме, и мой отказ был бы оскорблением. Дара купила мне время до утра, и я должна была это время использовать.

Я достала из саквояжа маленький пузырек с травяным лаком, которым закрепляла трещины на старых холстах. Он был почти пуст, но на донышке еще оставалось. Я капнула на палец и растерла между подушечками — запах был резкий, полынный, хорошо перебивал чужой дух на одежде. Я нанесла лак на виски и за уши. Не для того, чтобы скрыть следы ночи, — для того, чтобы, если меня все же позовут к герцогине, от меня пахло работой, а не его хлебом. Это была мелочь, но я не хотела давать Рейне Сольд ни единой зацепки.

Я закрыла пузырек, убрала в саквояж и вернулась к портрету. Под лампой буквы на холсте проступали ярче, и я поняла, что ошиблась: между «перст» и «ночь» стояло еще одно слово, совсем маленькое, почти стертое. Я прищурилась, подвинула лампу ближе и прочла: «мой». «Мой перстен. Ночь». Это было не описание. Это была подпись под клятвой, которую кто-то оставил на холсте под слоем охры, зная, что никто не станет снимать краску с портрета покойной королевы.

Стук в дверь раздался ровно через час после ухода Лара. Я вздрогнула, но не подала виду. Стук был другой — не условный, а служебный, дважды костяшкой, как стучат люди, которым положено ждать. Я накрыла портрет покойной королевы чистой холстиной, прижала край чугунным грузилом и пошла к двери. Щелкнула медная задвижка, и в коридоре стоял не стражник.

Лар, сын Дары. Он был босиком, в одной рубашке, и смотрел на меня так, словно за его спиной кто-то стоит.

— Тина зовет, — сказал он почти шепотом. — Ей худо. Прямо сейчас худо.

Я на секунду замерла. Тина жила через три двери по левому крылу, в каморке под лестницей, окнами во двор. Я знала, что у нее с утра тянуло поясница и она не вышла на смену. Я откладывала зайти к ней до утра, потому что ночной обход стражи мог прицепиться к чужой двери. Но если Лар пришел сам, значит, ждать было нельзя.

Я взяла с верстака свой фонарь, сунула за пазуху чистую льняную тряпку и коробочку с сушеным шалфеем, что стояла у меня на полке с лета. Прикрыла за собой дверь мастерской. Ключ остался у меня в кармане передника, но на замок я не запирала — подмастерье, если придет, не сможет войти, но и стража не увидит закрытого замка в неурочный час.

Коридор ледяного крыла пах жеваной репой и сырой шерстью. Лар шел впереди, подсвечивая себе огарком свечи. Я заметила, что он прихрамывает сильнее обычного, и вспомнила, что сегодня днем он таскал мешки с углем для кухни. Он мог растянуть ногу, а мог и подвернуть, и я на ходу положила ладонь ему на плечо, придержала.

— Не беги, — сказала я. — Я поспею.

Он кивнул, сбавил шаг. В каморке Тины горела плешка, свет от нее дрожал по низкому потолку. Тина лежала на узкой койке, на спине, с подтянутыми к животу коленями. Рядом, на табурете, стоял кувшин с водой и опрокинутая чашка. Я присела на корточки, положила два пальца ей на запястье. Пульс был частый, поверхностный, с переборами. Я приподняла край одеяла — под рубашкой у нее вздулся живот, плотный и горячий на ощупь.

— Когда началось? — спросила я у Лара.

— С вечера. Она не стала звать. Боялась, что отправят в лазарет, а там запишут в книгу и не отпустят на смену.

Я кивнула. Я знала этот страх. У ткачих был свой закон: кто пропустил три смены без справки, тот лишался места. Место давало жалованье, жалованье давало угол и хлеб. Угол и хлеб позволяли копить на выкуп дочки из приюта. Цепочка была простая, как нитка, и рвалась в одном месте.

Я повернулась к Тине.

— Тина, ты меня слышишь?

Она открыла глаза. Зрачки были расширены, и она, кажется, не сразу меня узнала. Потом губы у нее дернулись, и она попыталась улыбнуться.

— Мира, прости. Я думала, к утру пройдет.

— Не пройдет, — сказала я. — Это не от спины. Это живот.

Она закрыла глаза, и я увидела, как у нее задрожали пальцы. У нее не было денег на лекаря. У меня тоже не было денег на лекаря. Но у меня был шалфей, чистая тряпка и руки, которые умели делать то, чему меня учила мать: ставить компресс, когда внутри жар, и не дать загниению пойти дальше.

Я вскипятила воду в жестянке над плоской, бросила туда горсть шалфея и корку сухого имбиря, что нашла у Тины на полке. Пока настой доходил до нужного жара, я раздела Тину до пояса. Живот у нее был вздут слева, под ребрами, кожа натянута и красная. Я положила ей тряпку, смоченную холодной водой, на лоб, а теплую, сложенную вчетверо — на живот, туда, где жар был сильнее всего. Потом дала ей полчашки горячего настоя, скомандовав пить медленно, по глотку.

Лар стоял в дверях, не зная, куда деть руки. Я обернулась к нему.

— Беги на кухню. Найди старшую по котлам. Скажи, что у ткачихи Тины живот, и пусть пришлют к утру вареной свеклы с хлебом, без молока. Скажи, что я перевязала и до лазарета доведу сама. Если спросят, кто велел, скажи, что Дара. Не врешь, Дара бы велела.

Лар кивнул и убежал. Я слышала, как он прошлепал босыми пятками по камню, потом стало тихо. Тина дышала ровнее, и жар у нее под моей ладонью понемногу спадал. Я сидела рядом, держала тряпку, и думала о том, что именно так мать сидела со мной, когда мне было семь и я объелась зеленых яблок. Тряпка на животе, настой с имбирем, тихий голос. Только руки у матери были другие — сухие, с трещинами от щелока, и пахли от них всегда полынью. У меня руки пахли лаком.

Через час Тина уснула. Я переложила ей компресс, укрыла одеялом, подвинула кувшин с водой поближе. Вернулась к себе в мастерскую, стараясь ступать по ковровой дорожке, чтобы не скрипел пол. Закрыла за собой дверь, без замка, и села на табурет. Руки у меня пахли шалфеем и чужим потом, и я долго оттирала их жесткой щеткой над тазом.

За окном начинало светлеть. Я подошла к портрету покойной королевы, сняла холстину. Под лампой буквы на холсте проступали ярче, и я поняла, что ошиблась: между «перст» и

«ночь» стояло еще одно слово, совсем маленькое, почти стертое. Я прищурилась, подвинула лампу ближе и прочла: «мой». «Мой перстен. Ночь». Это было не описание. Это была подпись под клятвой, которую кто-то оставил на холсте под слоем охры, зная, что никто не станет снимать краску с портрета покойной королевы. Я записала и медленно закрыла книжку. За стеной мастерской кто-то ходил. Я узнала шаги — тяжелые, неровные, с легким прихрамыванием на левую ногу. Так ходил Лар, когда тащил что-то тяжелое. Он остановился у двери, постучал условным стуком — два удара и один короткий — и просунул под дверь сложенный вчетверо лист. Потом ушел, не сказав ни слова. Я подняла лист. Почерк был Дары, крупный и кривоватый, с нажимом на согласных.

«Записку заберу утром сама. Не открывай никому. Спи, пока есть время. Ключ от дневной мастерской под третьим каднем в левой стене, за штукатуркой. Запомни и верни кирпич на место».

Я перечитала дважды. Потом подошла к стене, нащупала третий кад от окна и нажала на штукатурку. Она подалась, и под ней оказался маленький медный ключ с обмоткой из черной нитки. Я сжала его в кулак. Теперь у меня было два ключа: ночной, серебряный, который я должна была вернуть, и дневной, медный, который мне никто не давал. Я понимала, что Дара нарушила приказ герцогини, и цена этой помощи мне еще придет. Но сейчас, в этой мастерской, пахнувшей лаком и полынью, я впервые за долгое время почувствовала, что у меня есть не только работа, но и место. Я сунула ключ в карман передника, подвинула лампу к портрету и села ждать утра.

Я записала и медленно закрыла книжку. За стеной мастерской кто-то ходил. Я узнала шаги — тяжелые, неровные, с легким прихрамыванием на левую ногу. Так ходил Лар, когда тащил что-то тяжелое. Он остановился у двери, постучал условным стуком — два удара и один короткий — и просунул под дверь сложенный вчетверо лист. Потом ушел, не сказав ни слова. Я подняла лист. Почерк был Дары, крупный и кривоватый, с нажимом на согласных.

«Записку заберу утром сама. Не открывай никому. Спи, пока есть время. Ключ от дневной мастерской под третьим каднем в левой стене, за штукатуркой. Запомни и верни кирпич на место».

Я перечитала дважды. Потом подошла к стене, нащупала третий кад от окна и нажала на штукатурку. Она подалась, и под ней оказался маленький медный ключ с обмоткой из черной нитки. Я сжала его в кулак. Теперь у меня было два ключа: ночной, серебряный, который я должна была вернуть, и дневной, медный, который мне никто не давал. Я понимала, что Дара нарушила приказ герцогини, и цена этой помощи мне еще придет. Но сейчас, в этой мастерской, пахнувшей лаком и полынью, я впервые за долгое время почувствовала, что у меня есть не только работа, но и место. Я сунула ключ в карман передника, подвинула лампу к портрету и села ждать утра.

Глава 3. Чужие духи

Утром я мыла руки в медном тазу, и вода пахла железом и лавандой. На крюке у двери висела чистая рубаха мужа, которую он не надел вчера, и от ворота тянуло чужими духами — гвоздикой и чем-то медово-сладким, как у той девушки, что вчера стояла под фонарем у подъезда его конторы. Я стянула рубаху с крюка, понюхала ткань у запястья и положила в таз. Пусть мокнет. Его запах я знала наизусть — табак, чернила, холодная кожа. Чужой пахнет иначе.

В тазу она будет лежать до полудня, пока я считаю долг.

Домовая книга лежала на столе под пресс-папье из серого камня. Я открыла тяжелую кожаную крышку, и петли скрипнули, как всегда. Между записями о дровах и плате за ледник нашла свою строку: «Мира Ланвей, должница за восемь зим, должница за мастерскую, должница за позор». Под строкой — отцовский росчерк, мелкий и злой. Я перевернула страницу. Под именем мужа значилось: «Кайрен Сольд, поручитель за долг, поручитель за честь, поручитель за срок». Срок стоял до первого снега.

Кайрен Сольд, ледяной дракон и королевский канцлер. Муж моей сестры по договору, мой должник по жизни, мой враг по бумаге. Он должен был арестовать меня вчера у дверей мастерской, а вместо этого принес еду и назвал по имени. Утром записка от него лежала под дверью: «Книга дома открыта. Приходи считать». Я взяла ключ и пошла.

Я шла через двор, и каблуки стучали по обледелым плитам. Навстречу попался начальник храмовой стражи в сером плаще, посмотрел на меня так, будто я уже под арестом, и отвернулся. У крыльца дома Сольдов пахло воском и хвоей. На пороге стояла Старая герцогиня Рейна Сольд, свекровь моей младшей сестры, вдовствующая хранительница рода. Она не поздоровалась, только кивнула на дверь кабинета.

В кабинете было холодно, как в погребке. Кайрен сидел за столом, без мундира, в серой рубашке, и серебряный перстень на его пальце слегка дымил изморозью. На столе лежала раскрытая книга дома, та же, что у меня в мастерской, только без моей строки. Рядом стояла чернильница и поднос с двумя чашками — крепкий чай для него и пустая для меня. Он ждал. Он всегда ждал.

— Садись, — сказал он. Голос ровный, низкий, как приговор. — И считай вслух.

Я села напротив, не притронувшись к чашке. От него пахло табаком, чернилами и холодной кожей. Никакой гвоздики. Никакого меда. Я отметила это и тут же устыдилась своей отметки.

— Строка, — сказала я. — «Мира Ланвей, должница за восемь зим, должница за мастерскую, должница за позор». Росчерк отца. Под именем мужа — «Кайрен Сольд, поручитель за долг, поручитель за честь, поручитель за срок». Срок до первого снега.

Он не отвел глаз. Только сжал перстень, и изморозь на камне стала гуще.

— Позор, — повторил он тихо. — Это чья запись?

— Моего отца. Покойного.

— Покойного. И ты готова платить по его счету?

Я молчала. За окном хрустнул снег под ногами кого-то из стражи. В коридоре слышались тяжелые шаги — Лар, сын ключницы Дары, тащил кому-то ведро с углем.

— Я пришла не за тем, чтобы обсуждать отца, — сказала я. — Я пришла считать. Восемь зим мастерской — это сорок восемь зимних сезонов аренды. Из них тридцать шесть оплачено моими заказами. Двенадцать — долг. Под твою поруку. Правильно?

Он кивнул.

— Значит, чтобы закрыть долг, мне нужно либо вернуть двенадцать сезонов деньгами, либо отработать их. У меня нет денег. У меня есть руки. Я реставратор королевских портретов. Я могу отработать.

Тишина в кабинете стала гуще. Изморозь на перстне поползла по пальцам, застыла на костяшках. Он смотрел на мои руки, на пальцы, в которых еще оставался запах пигмента и лака.

— Откуда ты знаешь, что я предложу тебе работу? — спросил он.

— Откуда ты знаешь, что я приму? — ответила я.

Он впервые за утро отвел глаза. Потом достал из ящика стола свернутую бумагу с сургучной печатью и положил между нами.

— Временная хранительница королевской коллекции. Под моей подписью. Под моей ответственностью. Гильдия пока не знает. Узнает после того, как ты принесешь надзирателю образец пигмента с портрета наследника. Срок — три дня.

Я взяла бумагу, развернула. Под печатью стояла его подпись, сухая и точная, как черта клинка. Под ней — пустая строка для моего имени.

— А цена? — спросила я, не поднимая глаз от строки.

Он молчал так долго, что я успела услышать, как за стеной кто-то из стражи заводит часы.

— Цена магии, — сказал он наконец. — Каждый снятый слой с портрета забирает у реставратора одно воспоминание. Я буду замораживать его в этом перстне. Возвращать нельзя без согласия того, кто услышит память первой. Это правило.

Я подняла голову. Он смотрел на меня прямо, и в его глазах было что-то, чего я не видела вчера ночью. Не холод. Не долг. Что-то другое.

— Если я забуду лицо матери, ты вернешь? — спросила я.

— Если ты сама согласишься его услышать. Сейчас — нет. Позже — возможно.

Я взяла перо. Макнула в чернила. Поставила свою подпись под его подписью. И в ту же секунду на моем запястье шевельнулась королевская печать помолвки, оставшаяся от свадьбы с Лотаром Вейном, которая до сих пор числилась за мной. Она не погасла. Она сжалась, как злая змея, и я стиснула зубы.

— Уходи, — сказал он. — И принеси пигмент до заката.

Я встала, забрала бумагу и вышла. В коридоре пахло чужими духами, и я поняла, что от меня теперь тоже пахнет чужим домом.

Я считала строки в книге дома до полудня, и пальцы у меня затекли от тяжелой кожи. Переplet пах старой сурьмой и материнскими духами, которые когда-то зачем-то капала на углы страниц бабка. Чашка с чаем стояла рядом нетронутая, потому что руки у меня заняты были пером, а горло — обидой.

Между записями о дровах и плате за ледник я нашла свою строку: «Мира Ланвей, должница за восемь зим, должница за мастерскую, должница за позор». Под строкой — отцовский росчерк, мелкий и злой. Я знала этот почерк наизусть, как знают шрам. Я перевернула страницу. Под именем мужа моей младшей сестры значилось: «Кайрен Сольд, поручитель за долг, поручитель за честь, поручитель за срок». Срок стоял до первого снега.

Я подняла голову и посмотрела на дверь кабинета. В коридоре пахло хвоей и воском. Старая герцогиня Рейна Сольд утром не поздоровалась, только кивнула на эту дверь, и я вошла, чтобы считать вслух, как велено. Сейчас в кабинете было холодно, как в погребе. Кайрен сидел за столом, без мундира, в серой рубашке, и серебряный перстень на его пальце слегка дымил изморозью. На столе лежала раскрытая книга дома, та же, что у меня в мастерской, только без моей строки. Рядом стояла чернильница и поднос с двумя чашками — крепкий чай для него и пустая для меня.

— Садись, — сказал он. Голос ровный, низкий, как приговор. — И считай вслух.

Он не отвел глаз. Только сжал перстень, и изморозь на камне стала гуще.

— Позор, — повторил он тихо. — Это чья запись?

— Моего отца. Покойного.

— Покойного. И ты готова платить по его счету?

Он кивнул.

— Откуда ты знаешь, что я предложу тебе работу? — спросил он.

— Откуда ты знаешь, что я приму? — ответила я.

— А цена? — спросила я, не поднимая глаз от строки.

— Если я забуду лицо матери, ты вернешь? — спросила я.

— Если ты сама согласишься его услышать. Сейчас — нет. Позже — возможно.

— Уходи, — сказал он. — И принеси пигмент до заката.

Я перечитала строку отца трижды, потому что пальцы не хотели верить. Восемь зим моей мастерской, тридцать шесть оплаченных сезонов, двенадцать под порукой Кайрена Сольда. Росчерк мелкий, злой, похожий на хвост мыши, которую забыли придавить. Я провела ногтем по подписи — бумага зашуршала, как сухая кожа. Потом закрыла книгу, прижала обеими ладонями и выдохнула. До заката нужно вернуть пигмент и подпись.

В мастерской пахло скипидаром и старым льняным маслом. На столе уже стоял готовый набор: четыре склянки с растворами для снятия лака, стопка чистых холстов под прессом, новый флакон спирта и стеклянная пластина с замороженным осколком портрета наследника. Я сняла фартук с крюка, повязала его заново и подошла к подменному холсту. Родинка на женском плече, край фамильной броши с изумрудом. Подменная невеста, которая будет сидеть на троне. Подменная невеста, которую я когда-то учила держать кисть. Я зажгла свечу, прогрела лезвие и начала снимать верхний слой охры, записывая каждое движение в рабочий журнал.

Стук в дверь раздался ровно через час — два коротких, один долгий. Так стучал Лар, когда приносил записки от матери. Я вытерла руки, убрала лезвие и пошла открывать. На пороге стоял не Лар. Кайрен Сольд, без мундира, в серой рубашке с закатанными рукавами, и серебряный перстень на его пальце слегка дымил изморозью. В руке он держал жестяную коробку, обмотанную бечевой.

— Пигмент, — сказал он и протянул коробку мне. — С портрета наследника. Свежий, не старше двух часов. Надзиратель ждет в приемной гильдии.

Я взяла коробку, не открывая. Она была тяжелой и холодной, как будто внутри лежал кусок январского неба.

— Зачем ты принес его сам? — спросила я. — У тебя есть для этого курьер.

Он помолчал. В мастерской капала вода из крана над раковиной, и этот звук казался слишком громким.

— Потому что хочу видеть, как ты его возьмешь, — сказал он наконец. — И потому что в коробке не только пигмент.

Я поставила коробку на стол и сняла бечеву. Под слоем ваты лежал маленький кожаный футляр, а в нем — крошечный пузырек с замороженной каплей, подписанный «лицо матери. смутно». Я перестала дышать. Это было то, что я отдала вчера ночью. То, что уже не могла вспомнить целиком.

— Ты сказал, что вернуть нельзя без согласия того, кто услышит первым, — прошептала я.

— Я сказал «сейчас — нет», — ответил он. — Сейчас — да. Ты не слышала. Я слышал. Ты — первая. Возьми.

Я взяла пузырек и поднесла к свету свечи. Внутри дрожала капля, похожая на слезу, вывернутую наизнанку. Я согрела ее в ладони, и в голове медленно проступило лицо — усталое, доброе, с морщинкой между бровями. Мать сидела за пальцами, и я вспомнила, как она держала иглу. Потом лицо снова растворилось, но уже не в пустоте. В памяти.

— Спасибо, — сказала я, не глядя на него.

— Не благодари, — ответил он тихо. — Это первый из двенадцати. Остальные я заморожу, как обещал. Верну, когда ты попросишь. Если попросишь.

Я наконец подняла глаза. Он смотрел на мои руки, на пальцы, в которых все еще оставался запах пигмента и лака. Потом перевел взгляд выше — на шею, на ключицу, где под воротником фартука виднелся след от королевской печати помолвки. Она по-прежнему сидела на мне, тугая и злая, но сейчас, после возвращенного лица матери, я вдруг почувствовала, что могу дышать.

— Уходи, — сказала я. — Мне нужно собрать пигмент и идти к надзирателю.

Он кивнул, но не двинулся с места. Его пальцы коснулись перстня, и изморозь на камне стала гуще.

— У него на столе лежит реестр подмастерий десятилетней давности, — сказал он. — С подписью подменной невесты. Ты знаешь, что это значит.

— Знаю.

— И все равно пойдешь.

Я взяла коробку с пигментом, положила пузырек с лицом матери в нагрудный карман и подошла к двери. Открыла ее, впуская коридорный холод и запах хвои.

— Именно поэтому и пойду, — сказала я. — Чтобы у тебя не было выбора.

Он прошел мимо меня, и на одно мгновение его плечо оказалось слишком близко. Я почувствовала холод его рубашки и запах чернил. Потом он ушел, и я осталась одна в мастерской, где под слоем охры ждал своей очереди портрет наследника с чужой родинкой и чужой брошью.

Первые слова — неправильные. Я замерла над списком реагентов, и пальцы сами сжали край рабочей тетради так, что бумага затрещала. «Лицо матери. Смутно». Вчера я бы умерла за эту надпись. Сегодня она у меня в кармане фартука, под слоем марли, холодная, как чужой поцелуй.

Я разложила на столе образцы пигмента. Свежий, утренний, снятый с портрета наследника два часа назад — об этом говорил срез, слишком ровный, с зеленцой у края, которая появляется только у свежей охры. Рядом — мой собственный, вчерашний, с той самой подменной брошью. Я развела оба в капле спирта и поднесла лупу. Цвет совпадал до оттенка. Происхождение — нет.

Значит, портрет писали в одной мастерской, но разными руками. Это не копия, не клон, а подмена с заменой исполнителя. Гильдейский надзиратель поймет это сразу, если захочет понять.

Я достала из нижнего ящика ключ от дневной мастерской — тот, медный, с черной обмоткой, что вчера передала через Лара Дара, — и спрятала его под подкладку фартука, рядом с пузырьком. Потом собрала пигмент в жестяную коробку, запечатала сургучом с личным клеймом, выписала сопроводительную записку в двух копиях. Одна — в приемную гильдии, вторая — себе, в рабочую папку. Если коробка потеряется, у меня останется бумага.

Стук раздался без условного ритма. Ровно один раз — глухой, уверенный. Так стучат люди, которые платят за дверь.

— Войдите, — сказала я, не оборачиваясь.

Вошел начальник храмовой стражи. Широкоплечий, в сером мундире с серебряной насечкой, с папкой подмышкой и запахом можжевельника от одежды. Я знала его в лицо — он стоял на воротах, когда меня впускали в крыло по первому ключу. Сейчас он смотрел не на меня, а на стол, на склянки, на сургуч.

— Мастер Ланвей, — он говорил так, будто зачитывал протокол. — Вам предписано явиться в приемную гильдии с образцом пигмента до заката. У вас осталось два часа.

— Я в курсе, — ответила я. — Коробка собрана. Сейчас иду.

Он не двинулся с места. Вместо этого положил папку на край стола, раскрыл. Внутри лежал лист с гербовой печатью и моей фамилией.

— Распоряжение канцелярии, — сказал он сухо. — С этого часа вы числитесь временной хранительницей королевской коллекции с правом работы в ночной мастерской. Подпись — канцлер Сольд.

Я медленно выпрямилась. Лист был настоящий — сургуч, оттиск, водяной знак. Под ним — второй, копия для реестра гильдии. Третий — мне, как стороне договора. Это не милость. Это клетка, обитая бархатом.

— Кто подал прошение? — спросила я.

— Канцелярия, — повторил он. — По представлению реставратора Йонаса Тарена.

Я стиснула зубы. Значит, Йонас успел раньше, чем я думала. Либо Кайрен успел раньше, чем успел Йонас. Бумага пахла свежими чернилами — ее подписали сегодня утром, максимум час назад.

— Если я откажусь, — спросила я, — что будет?

— Отказ означает нарушение манифеста о беглых невестах. Вас вернут роду Вейн в течение суток. — Он помолчал. — А до подписания этого листа, мастер Ланвей, вы числились именно беглой.

Я взяла перо. Не из гордости — из расчета. Под статусом хранительницы я могу работать, торговаться и предъявлять доказательства. Под статусом беглой невесты — только подчиняться.

— Где подпись? — спросила я.

Я запечатала коробку с пигментом и положила ее в саквояж вместе с обеими копиями записки, реестром от Йонаса и собственноручно снятым срезом с портрета наследника. Срез лежал отдельно, в марле, подписанный моим клеймом. Если в приемной решат, что я подменила образец, у меня будет чем доказать обратное. Подкладку фартука я прощупала — ключ от дневной мастерской и пузырек с лицом матери лежали там, где я их спрятала, чуть ниже ребер. Холод пузырька приятно жег кожу через ткань, и я привычно напомнила себе, что это не мое тепло, а его магия, и она когда-нибудь закончится.

До приемной гильдии я дошла по длинной галерее, мимо портретов, которые еще вчера были для меня просто работой, а теперь стали вещественными доказательствами. Слух у ворот я ловила краем — рабочие шептались о ночной тревоге в покоях герцогини Рейны и о том, что стража подняла на смех посланницу, вернувшуюся ни с чем. Значит, Дара действительно купила мне ночь. Эту цену я тоже запишу в свой долг.

В приемной пахло сургучом, бумагой и можжевелевым лаком на половицах. За высоким столом сидел гильдейский надзиратель — сухой мужчина с пером за ухом, в мантии с бронзовой застежкой. Рядом стоял Кайрен. Я не сразу его увидела — он отошел к окну и смотрел во двор, где подъезжала повозка с бочками. Без мундира, в той же серой рубашке, в которой приходил ночью. Серебряный перстень на его пальце тускло поблескивал.

— Мастер Ланвей, — надзиратель поднялся. — Образец пигмента.

Я поставила коробку на стол, сняла сургуч, разложила срезы на белом листе. Два образца — мой и с портрета наследника. Под лупой разница бросалась в глаза: тот, что был снят мной, имел ровный срез, у того, что с портрета, край крошился, и в нем угадывалась чужая добавка.

— Это подмена, — сказала я ровно. — Портрет писали в одной мастерской, но разными руками. Здесь видно.

Надзиратель наклонился, поправил лупу, посмотрел. Потом перевел взгляд на Кайрена.

— Канцлер, вы свидетельствуете?

— Свидетельствую, — ответил тот, не отходя от окна. — Мастер Ланвей работает по моему представлению и под мою ответственность.

Я едва не задохнулась. Это было публичное обязательство, и он произнес его так, будто речь шла о поставке свечей.

— В таком случае, — надзиратель вернул мне срезы и протянул перо, — прошу подписать протокол осмотра. Вы, мастер Ланвей, и вы, канцлер.

Я подписала. Кайрен подошел, взял перо, и его пальцы на одно мгновение оказались рядом с моими. Холод его руки прошел по коже, и я отдернула ладонь быстрее, чем хотела. Он сделал вид, что не заметил. Надзиратель тоже сделал вид.

— Срок исполнения предписания, — надзиратель сверился с часами, — исчерпан. Лицензия временной хранительницы подтверждена. Жалоб со стороны гильдии нет.

Я собрала срезы, спрятала в коробку, запечатала заново. Руки у меня не дрожали, но внутри что-то осело, как оседает муть на дно отстоявшейся воды. Я только что получила право работать, торговаться и спорить в этом дворце, но это право было обставлено чужой подписью, чужим представлением, чужим холодом на моей коже. И все же это было право.

Когда мы вышли в коридор, Кайрен пошел рядом. Не впереди, не позади, а именно рядом, и это было хуже всего.

— Вы могли отказаться, — сказала я, не глядя на него.

— Мог, — ответил он. — Но тогда бы вы ушли к Вейнам, а портрет остался бы без реставратора.

— И без сделки, — добавила я.

Он промолчал. На повороте у лестницы остановился, и я вынуждена была остановиться тоже, потому что коридор был узким, а его плечо перегородило мне дорогу.

— Сегодня вечером в мастерскую придет инспектор Братства Пера, — сказал он тихо. — Он будет проверять ваши записи и расход реагентов. Я не смогу его остановить, но могу попросить подождать до полуночи.

— Зачем мне полночь?

— Потому что к полуночи я принесу вам реестр коллекции. С подписями прежней королевы. Чтобы у вас было, чем торговаться, если инспектор спросит лишнее.

Я кивнула. Он отступил, и я пошла дальше, чувствуя спиной его взгляд и холод его перстня, в котором теперь лежало мое возвращенное лицо матери, а под ним — десять других украденных воспоминаний, которые он обещал заморозить, если я соглашусь платить дальше.

В мастерской я первым делом проверила замок. Потом пересчитала срезы, ключи, коробку. Потом достала из-за штукатурки дневной ключ, повертела в пальцах и положила обратно. Ночной ключ остался у Кайрена, дневной — у меня. Между ними была тонкая щель, в которую мог пройти любой, кто знал расписание стражи.

Я зажгла свечу, раскрыла рабочую тетрадь и записала крупным почерком: «Цена названа. Право получено. Инспектор — вечером». Ниже, другим почерком, мелким и злым: «Не забыть купить нормальный чай». Потом отложила перо и впервые за день позволила себе постоять у окна, глядя, как по двору, подхваченная ветром, катится к закату моя собственная тень — длинная, одинокая и впервые имеющая право не кланяться.

Он подвинул лист. Я расписалась. Почерк вышел мелкий, злой. Кайрену придется терпеть мой почерк.

— Коробку с пигментом отнесете сами, — сказал страж на прощание. — Канцлер будет ждать в приемной гильдии. Вместе с надзирателем.

Он вышел. Я осталась одна в мастерской, где под слоем охры ждала подмена невесты, в кармане лежало лицо матери, а на столе — подписанный лист, который впервые дал мне право ходить по дворцу без охраны, но только до заката.

Глава 4. Письмо из архива

Утро в мастерской началось с того, что мне пришлось зашивать чужую руку.

Стражник Лар, мальчишка с прихрамыванием, пришел с запиской от матери, а ушел с гвоздем в ладони. Он уронил связку ключей на каменный пол, и один из них сорвался с крючка и впился мне в предплечье, когда я подхватила их. Кровь потекла по рукаву, Лар побелел, а я молча достала из рабочего ящика иглу, нитку и баночку со спиртовой настойкой коры. Прижигать было некогда, я просто промыла рану, затянула стежки и обмотала его ладонь чистой полосой от холста.

- Дара узнает, - сказал он, глядя, как я завязываю узел. - Она меня убьет.

- Если ты не будешь шевелить пальцами, Дара узнает только про разорванный рукав. Иди.

Он ушел, прижимая к груди перевязанную руку, а я осталась одна посреди мастерской, среди запаха пчелиного воска и скипидара. На столе передо мной лежал лист гербовой бумаги с водяным знаком гильдии реставраторов. Уведомление надзирателя. Срок - три дня. Образец пигмента с портрета наследника Сольвейнов.

Я перечитала строчку дважды. Надзиратель требовал доказать, что я имею право трогать эту работу. Справедливо. Только он не знал, что под лаком этого портрета скрывается лицо женщины с родинкой на плече и край фамильной броши с изумрудом, которую я видела на груди подменной невесты в день объявления.

Но надзирателю нужна была не правда. Ему нужен был пигмент в пробирке.

Я достала из шкатулки чистую стеклянную пробирку с пробкой, завернутую в вощеную бумагу. В правом нижнем углу портрета наследника, там, где заканчивалась подпись мастера, я вчера вечером соскрестила немного верхнего слоя. Того самого, что скрывал чужое плечо. Пигмент был темно-красный, с золотой крошкой, которую художники кладут в дорогие заказы.

Я сунула пробирку в карман фартука. Дверь мастерской скрипнула, и вошла Тина, моя соседка по ледяному крылу, с корзиной мокрого белья.

- Опять не спала, - сказала она вместо приветствия, глядя на мои красные глаза. - И рану зашила сама, я видела кровь на полу.

- Лар уронил ключи.

- Ключи уронил, а ты шьешь, как портняжка. Тебе бы в лечебницу, Ланвей. Или замуж, там тебя хотя бы кормить будут.

Я промолчала. Тина поставила корзину на табурет и достала из-под тряпки маленький сверток.

- Вот. Хлеб, масло и записка. Принес мальчишка с ледяным гербом на куртке. Сказал - от канцлера.

Сердце дернулось, но я взяла сверток спокойно. Развернула. Внутри лежал кусок ржаного хлеба, масло в глиняном горшочке и сложенный вчетверо лист. Записка была без подписи, без печати. Почерк - ровный, канцелярский.

"Реестр коллекции будет у тебя к полудню. Образец пигмента не сдавай надзирателю, пока не покажешь мне. Под лаком портрета наследника не одна улика. С.К."

Я перечитала записку дважды. С.К. Канцлер Сольд. Он узнал про пигмент раньше меня. Он вообще всегда узнавал раньше, чем я успевала подумать.

Тина смотрела на меня из-под мокрого белья.

- Кто это тебе пишет?

- Надзиратель. По работе.

- Ври больше. У надзирателей герб на печатях, а тут чистый лист. И масло с рынка, не из дворцовой кухни.

Я не ответила. Сложила записку в карман фартука, к пробирке с пигментом, и пошла к двери. Мне нужно было в архив, за реестром коллекции, который обещал Кайрен. И за встречей с надзирателем, которую я назначила на вторую половину дня.

В дверях я столкнулась с начальником храмовой стражи. Он стоял, заложив руки за спину, и смотрел на меня так, будто я была чужой в собственном доме.

- Ланвей. По приказу герцогини Рейны вы должны явиться к ней сегодня до вечера.

Я посмотрела ему в глаза.

- Я временная хранительница коллекции. Мои обязанности определены канцелярией, а не герцогиней. Если она хочет меня видеть, пусть подаст прошение через канцелярию. Я освобожусь завтра утром.

Он нахмурился.

- Это не просьба.

- Я знаю. Поэтому жду прошения.

Я обошла его и пошла по коридору. За спиной остался его тяжелый взгляд и мокрое белье Тины, и запах хлеба с маслом, который я теперь буду чувствовать всякий раз, когда увижу снежинку на чужой куртке.

Ступени архива пахли сырой штукатуркой и старым пергаментом. Я считала их про себя, потому что иначе считала бы удары собственного сердца, а этого мне сейчас не требовалось.

Мне нужно было выкроить себе место. Не в переносном смысле - в самом грубом, рабочем. На руке у меня висела плетеная корзинка с двумя стеклянными пробирками и куском запечатанного холста, в кармане фартука лежала записка канцлера и образец пигмента, который я не имела права отдавать никому, кроме него. По коридору навстречу мне прошла девушка в сером переднике с корзиной свежего хлеба, от нее пахло тмином и корицей. Жизнь во дворце шла своим чередом, а я в этой жизни числилась временной гостьей с чужим ключом на поясе.

Архив помещался в северном крыле, за дверью, обитой листовой жостью с тиснением королевского пера. Я толкнула створку и вошла, придерживая корзинку локтем. За длинным столом, заваленным свитками, сидел пожилой секретарь в очках с медной оправой и что-то выписывал в реестр. Он поднял на меня глаза, увидел мой фартук с пятнами скипидара и мою корзинку, и не двинулся с места.

- По какому делу?

Я выложила на стол предписание канцелярии о временном хранении коллекции. Текст был написан рукой Кайрена Сольда, за его подписью и сургучной печатью. Я видела, как секретарь прочитал его дважды. Потом он вытащил из ящика под столом толстую книгу в кожаном переплете, развернул на странице с моей фамилией, обмакнул перо и выписал мне пропуск в зал подменных холстов Сольвейнов. Туда, куда раньше не пускали никого, кроме самого хранителя и инспектора Братства Пера.

- Реестр коллекции вы получите здесь, - сказал секретарь, снимая с полки еще одну книгу, меньше. - Тридцать два портрета, нумерация по алфавиту. Подменные холсты помечены красной чертой на полях. Без пинцета не прикасаться. Ясно?

- Ясно.

Он кивнул и вернулся к своим записям. Я переложила книги в корзинку, прижала крышку и пошла к выходу. У двери меня перехватил слуга в ливрее с гербом Сольдов - не герцогским, а меньшим, домашним. Он поклонился и протянул сложенный лист.

- От старой герцогини Рейны. Просит вас уделить ей четверть часа до полудня.

Я взяла лист, развернула. Текст был короткий и вежливый, в нем не было ни слова о приказе. Но я знала цену этой вежливости. Герцогиня давала мне выбор: пойти к ней самой или быть доставленной стражей. Третьего не предлагалось.

- Передайте герцогине, что я занята в архиве до полудня. После полудня у меня встреча с гильдейским надзирателем. Если она желает говорить о коллекции, я приму ее прошение через канцелярию.

Слуга моргнул, но поклонился снова и ушел. Я постояла у двери, перевела дыхание и достала из кармана записку Кайрена. "Не сдавай надзирателю, пока не покажешь мне". Это значило, что канцлер будет в мастерской до моего возвращения. И что он знает о встрече, о которой я не успела никому сказать.

В мастерской пахло холодным деревом и жженой пробкой. Кайрен сидел за моим рабочим столом, без мундира, в серой рубашке с закатанными рукавами. На столе перед ним лежал раскрытый реестр коллекции, пробирка с пигментом и кусок чистого холста. Я остановилась у двери, не снимая корзинку.

- Стучала бы, - сказала я, чтобы не молчать.

- Стучал. Ты не слышала, потому что считала ступени в архиве.

Я поставила корзинку на табурет у двери и подошла к столу. Между нами лежал реестр. На полях против портрета наследника стояла красная черта. Я знала, что это значит: подменный холст. Под ним должна была быть другая работа. Я уже видела женское плечо с родинкой. Но реестр говорил мне больше: под этим портретом была другая женщина, и ее имя я должна была узнать сегодня.

Кайрен молча подвинул ко мне чистый лист и огрызок карандаша.

- Пиши. Образец пигмента, откуда взят, в какое время, при ком. Я подпишу как свидетель. Надзиратель увидит две подписи и не посмеет требовать повторной пробы.

Я взяла карандаш. Он смотрел на мою руку, потом на мое лицо, и я поняла, что он ждет. Не пигмента. Слова. Того слова, которое я обязана была произнести, прежде чем он поставит свою подпись под моей.

- Если я отдам тебе эту память, ты вернешь ее?

- Когда закончим.

Он ответил слишком быстро. Я опустила карандаш и впервые посмотрела ему в глаза.

- Когда - это когда я потребую, или когда ты решишь, что мне пора?

Кайрен не отвел взгляда. На столе между нами лежал его серебряный перстень. Камень в нем был мутным, как небо перед метелью.

- Когда потребуешь, - сказал он наконец. - Слово канцлера. Я не отберу у тебя то, что ты отдала добровольно.

- Добровольно, - повторила я. - Я не отдаю. Я плачу за работу. Разницу чувствуешь?

Он чуть приподнял бровь. Впервые за все утро на его лице проступило что-то человеческое - не усмешка, но тень усмешки, как трещина на старом льду.

- Чувствую. Поэтому и прошу подписать протокол.

Я опустила глаза на чистый лист. Карандаш в моей руке пах графитом и скипидаром. Я вывела дату, номер портрета, время снятия пробы. Почерк у меня был ровный, без наклона, я всегда так пишу, когда злюсь. Потом я подняла голову.

- Свидетель. Ты будешь свидетелем в протоколе, но не хозяином моей памяти. Если я забуду лицо матери, а ты вернешь мне только его - это не твоя милость. Это оплата.

Он вытащил из ящика стола серебряное перо и чернильницу, которую я раньше не видела в этой мастерской. Положил рядом с моим листом и сел напротив. Между нами остался реестр, открытый на портрете наследника, и красная черта на полях.

- Я не дам тебе забыть, - сказал он, не поднимая пера. - И не дам забыть себя. Это разные вещи, Мира.

Он назвал меня по имени во второй раз. Вчера ночью я не была к этому готова. Сейчас - тем более. Я отвернулась к окну, за которым шел мелкий колючий снег, и сделала вид, что проверяю задвижку. Задвижка была на месте, ничего я не проверяла.

- Пиши, - бросила я через плечо. - У меня встреча через час.

Он подписал протокол быстро, поставил канцелярскую печать из перстня - бумага под ней пошла мелкой изморозью, которая тут же растаяла. Я взяла лист, проверила подпись, сунула в папку под реестр. Голова работала ясно, руки помнили каждое движение, но внутри что-то дрожало, как стекло под низким гулом.

- Теперь пигмент, - сказал Кайрен и подвинул ко мне пробирку. - Надзиратель будет смотреть на цвет. Если он отдаст в зелень, ты не отдашь ни капли. Я имею право присутствовать при пробе и зафиксировать в стекле перстня, что видел лично.

Я вытащила из корзинки вторую пробирку - свой контрольный образец, снятый с края холста до того, как Кайрен вошел в мастерскую. Два цвета на белой плитке рядом легли почти неразлично. Кайрен наклонился, я почувствовала запах мяты и железа от его рубашки и отодвинулась на полвершка. Он сделал вид, что не заметил.

- Третий пигмент, - сказал он тихо. - Тот, что под лаком королевы. Этого цвета я в реестре не видел.

Я замерла. Под лаком покойной королевы действительно был цвет, которого не должно было быть: не охра из дворцовой мастерской, не свинцовые белила, а что-то холодное, отдающее в синеву, как разбавленный индиго. Такой пигмент я видела только один раз в жизни - в старой шкатулке матери, когда она не думала, что я смотрю.

- Ты видел, - сказала я, не спрашивая.

- Я видел, как ты его рассматриваешь. И я видел, что ты его не зарисовала. Это ошибка, Мира. Художник реставратор не оставляет пробелов.

- Художник реставратор не работает под надзором канцлера, - отрезала я. - Я оставила пробел, потому что этот пигмент - не мое дело. Это дело твоего рода.

Он выпрямился. Стул под ним скрипнул. На столе между нами лежали две подписи, два образца и одно молчание, которое дорого стоило обоим.

- Мой род, - повторил он медленно. - Ты знаешь, что это значит.

- Знаю. Поэтому я и работаю ночью.

Я собрала пробирки, запечатала сургучом, прижала перстнем-печаткой, который мне выдали в канцелярии. Сургуч зашипел, осел. Кайрен смотрел на мои руки - не на кольцо, на пальцы, на то, как я держу печать. Я поймала его взгляд и не отвела.

- Через час я ухожу, - сказала я. - Если к моему возвращению в мастерской будет посторонний запах, чужая печать или чужой карандаш, я не подпишу протокол. Ясно?

- Ясно.

Я взяла корзинку, прижала крышку и пошла к двери. У порога остановилась. За спиной он не двигался. Я не обернулась.

- Кайрен. Если сегодня вечером герцогиня пришлет за мной стражу, протокол не спасет. Поэтому отдай мне ночной ключ.

Тишина в мастерской стала плотной, как снег перед рассветом. Я слышала, как он встает, слышала скрип стула, слышала, как он идет к двери - не торопясь, но и не медля. Потом его шаг остановился в шаге от меня.

- Ключ не спасет, - сказал он над моим ухом. - Но без него ты не дойдешь до двери.

Я не обернулась. Его дыхание пахло мятой и металлом. На моем запястье под печатью помолвки тянуло холодом, но это был его холод, не мой.

- Тогда я возьму ключ, - сказала я. - Утром верну.

- Не вернешь.

Я наконец обернулась. Он стоял в шаге, на руке висел мой медный ключ с черной обмоткой - тот, что я спрятала за штукатуркой и думала, что он не знает. Я открыла рот и закрыла. Он не улыбался. Он ждал.

- Закрой за мной, - сказала я и шагнула в коридор.

За спиной ключ повернулся в замке. На паркете осталось маленькое ледяное пятно. Я перешагнула его и пошла к надзирателю. У меня в корзинке лежали две подписи, чужой секрет и сорок минут до конца моего статуса временной хранильницы.

В подвале канцелярии пахло сырой штукатуркой и старой бумагой. Я поставила корзинку на скамью, поправила фартук и одернула рукав, чтобы печать помолвки на запястье не торчала из-под манжета. Надзиратель уже сидел за столом у торцевой двери, маленький, лысый, в пенсне на цепочке. Перед ним лежала раскрытая гильдейская книга с водяным знаком и три пробирки в деревянном ящике.

— Ланвей, — сказал он, не поднимаясь. — Девять минут до гонга.

Я выложила корзинку на стол, открыла крышку. Две пробирки легли рядом — мой контроль и тот, что снял Кайрен при мне. Третья, с холодным синим пигментом из-под лака королевы, осталась в кармане фартука. Надзиратель взял пинцет, перенес щепотку на белую плитку и капнул из пузырька. Цвет пошел в зелень — чистая охра, без подмеса.

— Пигмент соответствует дворцовому реестру, — записал он. — Свидетель?

— Канцлер Сольд, лично, — ответила я. — Протокол с печатью в папке.

Он поднял глаза. В пенсне отразился свет от свечи, и я увидела, как он поморщился, услышав имя Сольда. Гильдия не любила, когда канцелярия лезла в их работу. Но отказать канцлеру в праве присутствовать при пробе он не мог — это было записано в старом уставе, который я перечитала вчера ночью, пока Кайрен стоял за моей спиной и смотрел, как я работаю.

— Второй образец, — потребовал надзиратель.

Я вынула из кармана свою пробирку с тем самым синим пигментом и положила на плитку. Капля упала, цвет пошел в темно-синий, почти в черноту. Надзиратель поднял пробирку к свету, повертел.

— Это не из дворцовой мастерской.

— Нет, — согласилась я. — Это из-под лака портрета королевы. Прошу зафиксировать как образец номер три и вернуть мне в опечатанном виде.

Он отложил пинцет. Пальцы у него были тонкие, в чернильных пятнах, и я видела, как они чуть дрогнули, когда он перечитывал мою просьбу. В гильдейском уставе было сказано: реставратор имеет право хранить у себя образцы пигмента, если они могут быть использованы как доказательство подмены. Я это помнила наизусть.

— Откуда вы знаете, что пигмент подменный? — спросил он тихо.

Я достала из корзинки копию реестра, открытую на портрете королевы. Строка с указанием мастерской и пигмента была зачеркнута, поверх нее другой рукой вписано «охра, свинцовые белила, мастерская Вейнов».

— Потому что реестр подделан, — сказала я. — Подпись мастера Вейна подделана, мастерская Вейнов не работала с королевской коллекцией, и я прошу назначить экспертизу.

Он молчал. Где-то наверху грохнула дверь, послышались шаги — тяжелые, мерные. Храмовая стража. Надзиратель встал, одернул мундир, и я увидела, как его рука легла на крышку корзинки с моими пробирками.

Снег забивался за ворот, таял на ключицах, и я чувствовала каждую каплю, потому что от недавней пробы пигмента кожа на шее стала тоньше, чувствительнее. Лотар стоял в двух шагах, без плаща, и снег не оседал на его плечах — так всегда бывало, когда он выпивал лишнего. Улыбка у него была та же, что и в бальном зале: мягкая, как мед, и такая же липкая.

— Не сейчас, — сказала я. — У меня лекарство для ключницы.

Он не двинулся. Посмотрел на мою корзинку, на пустые гнезда, где раньше лежали пробирки, на мои руки, испачканные сургучом и остатком охры под ногтями. Опустил глаза на печать помолвки, стянутую под рукавом, и я видела, как у него дрогнуло веко — он понял, что статус у меня изменился.

— Тебя видели в мастерской с ним, — сказал он тихо. — С канцлером. Ночью. Я выдержала его взгляд. Ладони у меня стали холодными, но не от снега.

— Меня видели за работой, Лотар. Как и положено временной хранительнице. Если у тебя есть претензия к порядку, подай ее надзирателю, а не мне на крыльце.

Он качнулся ко мне, не подходя ближе, и я снова уловила запах — не его прежних духов, а гвоздики, той самой, что была на браслете Рейны, когда его принесли в мастерскую. Чужие духи на чужом человеке. Я привыкла их узнавать раньше, чем письмо.

— Ты пахнешь их домом, — сказала я, не повышая голоса. — Как давно?

Его улыбка на секунду стала настоящей — злой, короткой, — и тут же вернулась прежней, бархатной. Я сделала шаг назад, к двери, и он не попытался меня остановить. Только сказал вслед, негромко, чтобы слышала только я:

— Браслет я заберу. И тебя.

Я толкнула дверь, вошла в подъезд, прислонилась спиной к холодному камню. Сердце у меня колотилось в горле, но руки были спокойны. Я достала из-за обшлага фартука запечатанный пакет с копией реестра и спрятала его под подкладку саквояжа, рядом с ключом от дневной мастерской, который Кайрен мне отдал утром. Пальцы на секунду задержались на холодном металле, и я вспомнила, что забыла поблагодарить.

Это было неважно. Важно было другое: Кайрен знал, что я не верну ключ, и все равно отдал. Лотар знал, что я в мастерской с ним, и явился во двор без плаща, чтобы напугать. Один отдал ключ, другой пришел за мной. И то, что я стояла сейчас в подъезде, выбирая, к чьим шагам идти навстречу, было не случайностью — это была цена, которую мне назначили за то, что я утром первой нашла синий пигмент под лаком королевы.

Я поправила фартук, одернула рукава, чтобы печать не торчала, и пошла вверх по лестнице к ключнице. Мне нужно было перевязать Даре порез, отнести ей мазь и кожуру от вяленой груши, потому что Кайрен положил в сверток три штуки, а съела я одну. Я знала, что мальчишка Лар все расскажет матери, и Дара поймет, кто меня кормит ночами. У нее были свои счета к Сольдам, и я хотела, чтобы у нее была причина молчать о моих визитах к канцлеру.

На площадке пахло холодным железом и лавандой от бинтов, которые Дара сушила у двери. Я постучала условным стуком — два тихо, один громко — и стала ждать, пока за дверью зашаркают тяжелые шаги. У меня в кармане лежало письмо, спрятанное под подкладкой, в руках — корзинка без пробирок, а на запястье — печать, которая сжималась, когда я думала не о том, о ком следовало. Дара открыла дверь, посмотрела на мои руки, на снег в волосах, на лицо, и ничего не сказала. Только посторонилась, пропуская меня в тепло.

— Образцы остаются в канцелярии до решения надзирателя, — сказал он. — Ваш протокол принят. Статус временной хранительницы подтвержден на четырнадцать дней. Вы свободны, Ланвей.

Я взяла свою корзинку — пустую, без пробирок. Синий пигмент остался у него, и это было плохо. Но копия реестра и подпись Кайрена остались у меня, и это было хуже для кого-то другого. Я вышла из подвала, поднялась по лестнице, толкнула дверь во двор. Снег валил гуще. У крыльца стоял Лотар Вейн, без плаща, в одной рубашке с расстегнутым воротом. Он смотрел на меня, и я видела, как он улыбается — той самой улыбкой, от которой меня тошнило еще до побега.

— Мира, — сказал он. — Нам нужно поговорить.

Глава 5. Сломанная дверь

Я зашивала Лару руку, когда в дверь постучали тем особым стуком, каким стучат люди, имеющие право входить без приглашения: два тяжелых удара и один короткий. Не Дара. Не начальник стражи. Я натянула нитку, затянула узел, отрезала кончики ножницами, которые всегда ношу в кармане фартука, и только потом сказала:

— Войдите.

Кайрен вошел без мундира, в серой рубашке с расстегнутым воротом. На пальцах правой руки поблескивала изморозь, словно он только что держал что-то очень холодное или сам был источником холода. Он посмотрел на мои руки, потом на раненую ладонь Лара, замотанную грязной тряпкой, и остановился у порога, не делая шага внутрь.

— Мне нужен образец пигмента с портрета наследника, — сказал он. — Надзиратель прислал уведомление. Через три дня я обязан передать его в канцелярию, иначе твоя лицензия временной хранильницы перестанет существовать.

— Я знаю, — ответила я. — Уже сняла срезы. Два. С подписью и без.

Он переступил через порог. От него пахло мятой и металлом — как холодный клинок, который слишком долго лежал в траве. У меня свело челюсть, и я отвернулась к столу, чтобы он не заметил. На столе лежал сверток с ржаным хлебом, козым сыром и вяленой грушей. Без печати. Без записки. Я положила руку на крышку рабочей папки, под которой хранилась копия реестра коллекции, и посмотрела на него прямо:

— Что ты хочешь за то, что подпишешь протокол пробы как свидетель?

Он не сразу ответил. Его взгляд скользнул по моим пальцам, замершим на крышке папки, и я поняла, что он знает о копии реестра, спрятанной внутри. Он знал и про дневной ключ за штукатуркой. Он знал почти все, что происходило в этой мастерской за последние сутки.

— Память, — сказал он наконец. — Одну память за каждый снятый слой. Любую, на которую ты укажешь сама.

Я сжала крышку папки так, что костяшки побелели.

— Зачем тебе моя память?

— Чтобы сохранить. Если ты забудешь что-то важное о себе, я смогу вернуть. Мой перстень хранит то, что я замораживаю. Это страховка, Мира.

Он впервые назвал меня по имени. Не «хранильница», не «мастер», не «Ланвей». Мира. Имя прозвучало низко, ровно, без нажима — чужим и одновременно слишком знакомым.

Я протянула руку и коснулась его серебряного перстня. Лед обжег кожу. Я выбрала самое простое: лицо матери, каким я видела его утром, когда она сидела за пальцами. Кайрен замер, его глаза закрылись на долю секунды, и я увидела, как по камню перстня пробежала изморозь. Он забрал воспоминание.

Я отдернула руку. Лицо матери стало расплывчатым, словно я смотрела на него через запотевшее стекло. Я знала, что она сидела за пальцами. Я не помнила, как именно она сидела.

— Теперь подпиши протокол, — сказала я.

Он подписал. Поставил печать из перстня, и бумага пошла изморозью по краям.

— Не вернешь, — сказал он, и я не поняла, о перстне или обо мне. Положил на стол медный ключ с цифрой семь и знаком снежинки и вышел.

Я закрыла за ним дверь на замок.

Щека горела. Я перевернула сверток с едой, разломила ржаной хлеб пополам и половину отодвинула Лару. Он смотрел на замотанную ладонь так, будто она принадлежала другому человеку, и у него подрагивала нижняя губа. Я положила перед ним кусок сыра.

— Ешь. Сначала сыр, потом хлеб. Мясо тебе нельзя до утра.

Он послушно откусил, и я отошла к столу, чтобы не видеть, как он жуёт одной стороной рта, прижимая раненую руку к груди. Дара меня убьёт, если узнает, что я зашивала её сына без позволения. Но спросить у неё я не могла, потому что Дара была единственным человеком в этом крыле, которому я доверяла ключи.

За дверью раздался стук. Два коротких, один длинный. Не Дара. Я вытерла руки о фартук и пошла открывать.

На пороге стояла Тина. Щеки красные от ветра, на плечах мокрая шерстяная накидка, пахнувшая ткацким маслом и холодной водой. В руках — глиняная миска, накрытая тряпицей.

— Ешь, — сказала она вместо приветствия и протиснулась мимо меня, не дожидаясь приглашения. — Лар у тебя?

— У меня. Ему нельзя вставать.

Тина поставила миску на стол, сдернула тряпицу. Внутри была горячая каша с маслом. Пар защипал глаза. Я поняла, что не ела с утра.

— Его мать ищет, — сказала Тина тише. — Я сказала, что видела, как он шел в сторону мастерской с поручением от надзирателя. Тогда она отстала. Но ненадолго.

Лар перестал жевать и поднял на меня глаза.

— Не говори матери, — попросил он шепотом. — Она будет ругать, что я полез к холсту с грязной тряпкой. Это я виноват. Не ты.

Я отломил кусок хлеба, макнула в кашу и отправила в рот. Горячее масло обожгло язык.

— Если ты не скажешь, я не скажу, — пообещала я Лару. — Но руку покажешь ей сам. Иначе шов сорвется, и я не возьмусь шить второй раз.

Тина села на табурет у двери и скрестила руки на груди. Она смотрела на меня так, как смотрят на человека, за которого собираются заплатить, но еще не знают цену.

— Мне нужна записка, — сказала она наконец. — От тебя. Что Лар был у тебя по делу надзирателя. Если придет проверка, у меня должна быть бумага.

Я достала из ящика стола чистый лист, обмакнула перо в чернила. Записка вышла короткой: «Лар, посыльный при портретном зале, находился в мастерской по делу надзирателя гильдии реставраторов. Мира Ланвей, временная хранительница коллекции». Я поставила дату, сложила лист вчетверо и отдала Тине.

— Спасибо, — сказала она и спрятала записку за пазуху. Потом посмотрела на мое запястье, где под рукавом синела печать помолвки. — Болит?

— Нет, — соврала я.

Она кивнула так, словно услышала правду, и ушла. Я закрыла за ней дверь и вернулась к столу. Лар доел кашу и теперь сидел, привалившись к стене, с закрытыми глазами.

Я подошла к портрету королевы. Он висел на стене в дальнем конце мастерской, и я нарочно не подходила к нему с тех пор, как Кайрен вышел. Я боялась того, что увижу, если снова сниму слой.

Я встала, положила ладонь на подрамник. Дерево было теплым, нагретым моим дыханием и дыханием Лара. Я закрыла глаза и попыталась вспомнить лицо матери, каким оно было утром, когда она сидела за пальцами. Не вышло. Я помнила, что она сидела. Не помнила, как именно.

Я открыла глаза, достала из-под стола рабочий ящик с инструментами, взяла тонкий нож, смочила тампон в травяном растворе и приложила к нижнему краю холста. Лак пошел мягко, как старая кожа. Под ним проступила охристая подложка, потом мазок синего — холодного, из-под сцены с двумя мужчинами и кольцом.

Я положила нож.

Синий пигмент. Не охристый, как положено для королевского портрета. Королевский синий, который в гильдии реставраторов называют «ледяной кровью», потому что его могли готовить только в одном месте — в мастерских рода Сольд, по заказу короны. Я знала это из

учебника. Если этот пигмент лежит под слоем лака на портрете покойной королевы, значит, над портретом работали два мастера. Один писал лицо. Второй добавил сцену.

Я выпрямилась и посмотрела на свои руки. Они были в травяном растворе и синей пыли. Вытерла их о тряпку, подошла к рабочей папке, открыла копию реестра коллекции. Перечитала строку о портрете королевы: «Мастерская Йонаса Тарена, 14 год правления, охристая подложка, синий пигмент не применять».

Не применять. А он применен.

Я села на табурет. Пальцы дрожали. Лар спал у стены, ровно дыша. За окном шумел ветер. До рассвета оставалось три часа. Идти через половину крыла с синим пигментом под ногтями и нерассказанной правдой — не храбрость, а глупость. Утром я смогу сослаться на реестр. Ночью мне поверят только слухи.

Я достала из ящика чистый лист и написала: «Срочно. Образец синего пигмента с портрета покойной королевы. Прошу экспертизу подписи в реестре. Мира Ланвей». Сложила лист, запечатала своим оттиском и положила в карман фартука.

Потом разбудила Лара.

— Иди к матери, — сказала я. — Покажи руку. Скажи, что упал на крыльце мастерской. Он послушал меня глазами, но не двинулся.

— Ты ведь не упал? — спросил он.

— Нет. Но твоя мать не должна знать, кто тебя зашил.

Он встал, пошатнулся, и я подхватила его под локоть. Довела до двери, отперла замок и выпустила в коридор. Он ушел, прижимая раненую руку к груди.

Я закрыла дверь и осталась одна. Накрыла подрамник чистой тряпкой, завязала углы тесьмой, чтобы никто не снял слой без меня, и записала в рабочей тетради время: «третий час ночи, портрет покойной королевы, синий пигмент под охрой, образец не взят». Села на табурет и стала ждать.

Ключ повернулся в замке без стука. Я не вздрогнула. Я слышала его шаги в коридоре — мерные, тяжелые, с привычкой ступать по камню так, чтобы не слышно было подошв.

Кайрен вошел без мундира, в серой рубашке с расстегнутым воротом, и сразу посмотрел не на меня, а на холст.

— Ты сняла слой, — сказал он, не спрашивая.

— Сняла. Синий пигмент, ледяная кровь. Твой род.

Он подошел к стене, положил ладонь на ткань, которой я накрыла подрамник, и замер. Я видела, как побелели костяшки его пальцев. Магия шла через тряпку, через холст, через охру и синь.

— Зачем ты пришел? — спросила я. — Мы договорились: я работаю одна до утра.

— Мы договорились, что ты не работаешь без свидетеля, когда снимаешь слой. Я свидетель. — Он повернулся ко мне. — Ты забыла.

Я не забыла. Я хотела час без его запаха мяты и металла, без его тени на моих холстах, без необходимости отвечать за каждое движение кисти. Но вслух не сказала.

— Садись, — бросила я. — Чай на плите, если не остыл.

Он не сел. Подошел к моему столу, взял рабочую тетрадь и прочитал запись. Я встала, чтобы забрать, но он поднял тетрадь выше, и мои пальцы схватили воздух.

— Это мой протокол, — сказала я.

— Это улика. Если ты завтра пойдешь с этим к надзирателю, тебе нужен свидетель, который видел пигмент своими глазами. Я видел.

Я опустила руку. Он был прав, и я это ненавидела.

— Сядь, — повторила я. — Я заварю свежий.

Я встала к плите спиной к нему, достала жестянку с травами. Вода в котелке была теплой, почти горячей. Я бросила щепотку сушеной мяты, потому что другой не было, и тут же

пожалела: запах стал тем самым, который я узнавала теперь везде. За спиной скрипнул табурет. Он сел.

— Покажи руки, — сказал он.

Я обернулась. Он смотрел на мое запястье, где под рукавом синела печать помолвки.

— Не покажу, — сказала я.

— Я вижу, что она сжалась. Ты отдала что-то его роду, чтобы она сжалась. Я знаю, как это работает.

— Ты не знаешь, — отрезала я. — Ты знаешь, как работает твоя магия. Не моя печать.

Он замолчал. Я разлила чай в две глиняные чашки, одну поставила перед ним, вторую оставила себе. Пальцы дрожали, и я спрятала их под фартук.

— Выпей, — сказал он.

— Я не пью по приказу.

— Это не приказ. Это просьба.

Я выпила. Чай был горьким, мята перебила горечь. Защищало в глазах — не от чая, от усталости. Я не спала вторую ночь.

— Я заморожу образец, — сказал он, не поднимая глаз от чашки. — Если ты доверяешь моему перстню.

— Я не доверяю твоему перстню.

— Тогда доверь моей руке. Образец — это просто пигмент. Я зафиксирую его в стекле, и он не изменится до суда. Ты получишь вещественное доказательство, я получу клятву, что ты не выбросишь его в печь, когда испугаешься.

Я поставила чашку.

— Почему ты помогаешь мне? У тебя мандат.

Он поднял глаза.

— У меня был мандат. Теперь у меня клятва перед мертвой королевой, которую я никогда не видел, и перед тобой, которую я видел. Первое важнее для рода. Второе — для меня.

Я молчала. Он допил чай, встал, подошел к холсту. Снял тряпку, положил ладонь на синий мазок, и я видела, как по его пальцам пошла изморозь. Он достал из кармана небольшое стекло, приложил к холсту. Синий пигмент перешел с охры на стекло, как капля воды на запотевшее окно. Стекло стало холодным, почти обжигающим, и он передал его мне.

— Держи через тряпку, — сказал он.

Я взяла. На стекле отчетливо было видно синее зерно, и даже на просвет оно мерцало так, как мог мерцать только один пигмент в королевстве.

— Теперь у тебя есть вещественное доказательство, — сказал он. — Завтра ты пойдешь к надзирателю. Я подпишу протокол. Мне все равно, что будет с моим родом.

— Тебе не должно быть все равно. Ты канцлер. Ты ледяной дракон.

Он посмотрел на меня, и у него дрогнуло лицо.

— Я могу. Я уже позволил.

Я отвернулась к плите. За стеной мастерской ветер бил в ставни, и где-то далеко, в ледяном крыле, плакал ребенок. Я поставила чайник на плиту и стала греть воду снова.

— Останешься до утра? — спросила я, не оборачиваясь.

— Нет. Я приду, когда надзиратель будет у тебя в кабинете. Не раньше.

Он вышел так же тихо, как вошел. Я слышала, как ключ повернулся в замке снаружи, и осталась одна с двумя чашками, синим стеклом в тряпке и нерассказанной правдой про его род.

Стекло лежало на столе, и от него по столешнице ползла тонкая изморозь. Я подвинула его к краю, чтобы не подморозило рабочую тетрадь, потом отодвинула обратно к лампе. Руки все еще дрожали.

Печать на запястье стянула кожу так, что пульс стал биться в ней, а не в пальцах. Я закатала рукав. Синяя полоска под кожей шла на полвершка выше, чем вчера, и пульсировала в

такт сердцу. Я достала из ящика тонкую иглу для снятия лака, нагрела ее над огарком и осторожно процарапала кожу по самому краю серебряного ободка. Кожа зашипела, потекла тонкая струйка синего, и я почувствовала, как печать осела на пальцы — будто кто-то снял с запястья невидимый браслет. Боль ушла не до конца, но перестала бить в ухо.

Это было грубо, не по уставу. Любая лечебница отправила бы меня обратно под нож. Но лечебница — это запись, а запись — это Лотар Вейн, а Лотар — это ключ от саквояжа и копия реестра. Кто-то из его рода уже показал, что умеет делать такие вещи; значит, кто-то из его рода умеет их и снимать.

Я промокнула синь ватой, залила ранку тем же воском, что капал с огарка, и намотала поверх черную тесьму. Под рукавом не видно. Я согнула кисть — держать кисть можно, держать чашку можно, держать его перстень — посмотрим.

В коридоре слышались шаги. Легче, чаще, с при шаркиванием на левой ноге. Я выключила лампу и прижалась спиной к стене у двери. Шаги остановились. Потом раздался стук: два коротких, один длинный. Код Дары. Я открыла.

На пороге стоял Лар без шапки, в мокрой куртке, с запиской в руке. Он не смотрел мне в лицо — смотрел на мои руки.

— Мать велела отдать до рассвета, — сказал он хрипло. — Тут про ночной ключ. Он уже у вас.

Я взяла записку. Почерк крупный, без завитков: «Ключ от дневной мастерской в третьем кадке слева за штукатуркой. Берите до того, как герцогиня пошлет обыск. Д.»

Я кивнула. Лар сунул руку в карман и достал моток черной тесьмы.

— И это. Мать сказала, что вам пригодится, чтобы обмотать руку, если печать опять сожмет.

Я взяла тесьму. Она пахла домом — дымом, сушеной мятой и чуть-чуть тем железным холодом, который оставался на ключах после его пальцев.

— Лар, — сказала я тихо. — Ты знаешь, что он приходил ночью.

Это был не вопрос. Лар дернул подбородком.

— Знаю. Мать знает. Герцогиня пока нет. Но Лотар Вейн, говорят, спрашивал начальника стражи, почему от вашей двери пахнет мятой. Мать велела передать: больше не варите мяту, пока он не уйдет.

У меня обожгло уши. Не от стыда — от ярости. Я кивнула, и Лар ушел, тяжело переставляя ноги по мокрому камню.

Я заперла дверь, подошла к стене и нащупала третью кадку слева. Штукатурка под пальцами была сухой и теплой. Я ковырнула ножом, и в руку мне упал медный ключ с черной обмоткой. Дневной ключ. Я сжала его так, что он впился в ладонь, и прижала кулак к губам.

Это была не помощь. Это была сделка. Дара не отдала бы ключ просто так. Она покупала мое молчание про визиты канцлера и мою память о том, как я провела ночь.

Я обмотала ключ тесьмой, спрятала его под подкладку саквояжа рядом с копией реестра и крошкой хлеба, который мы ели с Кайреном. Потом села за стол и написала в рабочей тетради: «ночной визит канцлера, синий пигмент зафиксирован в стекле, дневной ключ получен, печать сжимается при упоминании его рода». Под датой и временем добавила одну строку: «Лотар спрашивал про мяту у двери. Утром надо сменить заварку».

Свечной огарок оплыл мимо гнезда, и воск потек по жестянке с чаем. Я сняла огарок, положила рядом с синим стеклом и долго смотрела, как изморозь со стекла медленно подбирается к моему рукаву. За стеной снова заплакал ребенок, и я поняла, что уже светает.

Стук в дверь раздался, когда я завязывала узел. Ровный, официальный, с металлическим отзвуком костяшек о дерево. Я натянула рукав пониже, надела фартук и открыла.

На пороге стоял начальник храмовой стражи. Не сам — прислал человека в ливрее с серебряной нашивкой на плече. За ним, на три шага позади, переминался с ноги на ногу Лар с пустым подносом.

— Надзиратель гильдии, — сказал человек. — Ждет в кабинете при канцелярии. С собой — реестр коллекции и образцы пигмента в трех пробирках. Если есть что предъявить — предъявьте.

Я кивнула. Реестр лежал в саквояже, пробирки с синим зерном — в синей же жестянке под замком, стекло с пигментом — на столе у лампы. Стекло я взяла, завернула в чистую тряпку и положила в нагрудный карман фартука. Оно легло холодной пластинкой в форме его ладони.

В коридоре пахло мокрой шерстью и сургучом. Мы шли молча: впереди — человек в ливрее, за ним я с саквояжем, сзади — Лар с подносом, на котором лежал запечатанный сургучом сверток. Я не спрашивала, что в свертке. В коридоре было слишком тихо, чтобы это был не он.

Дверь кабинета была открыта. Внутри, за длинным столом, сидел надзиратель гильдии — сухой старик с красными от бессонницы веками, рядом — секретарь с пером и протоколом. На столе лежал мой реестр, раскрытый на странице с поддельной строкой.

— Мастер Ланвей, — сказал надзиратель, не вставая. — Покажите руки.

Я показала. Правая ладонь — в синем пигменте, левая — с потемневшим от черной тесмы ободком на запястье. Надзиратель посмотрел на ободок так, будто его заранее предупредили, но все равно поморщился.

— Это не относится к делу, — сказал он. — Относится следующее. В реестре коллекции, который вы передали в канцелярию, подделана строка о мастерской Вейнов. Подпись под строкой не совпадает с подписью покойного главы дома. Я обязан доложить регенту.

Я молча достала из кармана стекло, развернула тряпку и положила его на стол перед надзирателем. Стекло лежало синей пластинкой, и в утреннем свете зерно под ним горело холодным огнем.

— Это пигмент из-под лака портрета королевы, — сказала я. — Тот самый, который требует ваше уведомление. На стекле он зафиксирован ледяной магией. Если вы не верите мастеру, поверьте канцлеру.

Надзиратель не дотронулся до стекла. Он посмотрел на дверь. В дверях стоял Кайрен — в мундире, с мокрым от снега плечом, и печать из его перстня уже стояла на свертке, который принес Лар.

— Подпись верна, — сказал он, не входя. — Я свидетель.

Надзиратель закрыл реестр. У него побелели костяшки пальцев.

— Мастер Ланвей, — сказал он наконец. — Ваш статус временной хранительницы подтвержден на четырнадцать дней. Образцы остаются в канцелярии до решения. Вы свободны до полудня.

Я взяла реестр, засунула обратно в саквояж и пошла к двери. У порога остановилась.

— Надзиратель, — сказала я, не оборачиваясь. — Попросите экспертизу подписи на строке о мастерской Вейнов. У мастера Тарена есть второй экземпляр реестра.

За моей спиной тихо закрылась дверь. Мне нужно было дойти до своей мастерской, сварить чистой воды без мяты и впервые за два дня сесть за стол не как гостя, а как человек, у которого есть четырнадцать дней и подпись на бумаге.

Глава 6. Долг в книге

Ночной ключ лег в саквояж под реестр, и я зашила подкладку грубой ниткой, чтобы он не звякнул при ходьбе. В комнате пахло лавандой от мокрых бинтов и чуть-чуть металлом от миски с иглами. Рука болела ровно, как хорошо натянутая тетива, и я знала, что к утру синяк сойдет, а вот ссадину придется показать Даре.

Я открыла домовую книгу долгов на странице с моим именем и впервые увидела, что записано чернилами, которые я не пила. Строчка «браслет темного серебра, получен у младшего лорда Вейна в день помолвки» была аккуратно перечеркнута тонкой линией и подписана другим почерком: «возвращен по требованию храмовой стражи». Ниже стояла подпись начальника стражи и дата вчерашнего дня. Подделать чужую подпись в книге дома можно только с ключом от кладовой, а ключ у Дары.

В коридоре пахло холодным камнем и подгоревшей кашей. Я прижала ладонь к странице, чтобы буквы перестали расплываться, и услышала, как под дверью кто-то возится. Не условный стук два и один, а просто возня, шорох и тяжелый вздох.

— Кто там? — я не убрала руку с книги.

Дверь открыл не Лар. На пороге стояла Тина, босиком, в наброшенной шубе, с миской горячей каши и хлебом под полотенцем. От нее пахло льном и тем самым дымом, которым пахнет ткацкий станок к ночи. Она посмотрела на меня, на книгу, на мою руку и молча вошла, поставила миску на стол и села на табурет у двери, не раздеваясь.

— Не спишь, — сказала она, и это был не вопрос.

— Записали, что я браслет вернула.

— Кто записал?

— Не я.

Тина выдохнула и посмотрела в пол. Ее глаза были красными не от льна, а от бессонницы.

— В казарме говорят, — сказала она, помолчав, — что канцлер уходит к тебе в мастерскую по ночам. Что стража слышит шаги на лестнице в три и в пять. Что запах его плаща остается на твоей двери до утра.

Я не шевельнулась. Каша дымилась между нами, и запах был такой домашний, что на секунду я перестала понимать, зачем мне вообще ключ под подкладкой.

— Слух, — ответила я, и собственный голос показался мне чужим.

— Слух, — повторила она. — Тебе нельзя так пахнуть, Мира. Ни им, ни им. Я слышала, как Рейна спрашивала Дара, спит ли канцлер у тебя. Дара сказала, что не знает, и это хуже, чем правда.

Я закрыла книгу и положила ладонь на переплет.

— Я не сплю с ним.

— Я знаю. Они нет.

Она встала и подвинула ко мне миску.

— Ешь. Завтра надзиратель будет спрашивать про пигмент, и у тебя трясутся руки.

Она была права. Я взяла ложку и почувствовала, как каша обжигает горло. Тина стояла у двери и смотрела на меня так, будто решала, оставлять меня одну или нет. Потом она наклонилась, подобрала с пола забытый мной обрывок нитки от подкладки саквояжа и положила его обратно мне в карман.

— Спрячь ключ лучше, — сказала она. — В подкладке его слышно.

Она ушла, не дожидаясь ответа, и я слышала, как по коридору к ткацкой мастерской шлепают босые ноги. Я сидела над кашей и слушала тишину. В тишине было три вещи: стук моего сердца, дыхание стражи за дверью и где-то далеко внизу, в подвале канцелярии, скрип пера, которое могло писать только одно имя. Мое.

Я пересыпала ключ из подкладки в поясной карман фартука, потому что нитка действительно не держала. Металл сразу стал холоднее, будто почувствовал, что его нашли, и я затянула тесьму двойным узлом. На столе остывала каша, и я ела ложку за ложкой, чтобы руки не тряслись, а в голове шла та работа, которую никто не видит: кому я должна за утренний хлеб, кто из надзирателей возьмет пробу первым, и в какой день печать на запястье сядет так, что согнуть пальцы станет нельзя.

В двери снова постучали, и на этот раз стук был служебный: два коротких, один длинный, как в домово́й книге записывают визит стражи.

Стражник вошел, не снимая шапки. Молодой, с нездоровым румянцем от бега по лестнице, в плаще, который пах мокрым железом. Он оглядел комнату, задержал взгляд на миске и на моем фартуке.

— Мастер Ланвей, у ворот стоит начальник храмовой стражи. Просит вас к выходу. Сейчас.

Я положила ложку. Сердце ударило ровно и тяжело, как метроном.

— Зачем?

— Не сказал. Сказал, при надзирателе.

Надзиратель. Значит, проба пигмента, которую я сдала утром, уже вызвала вопрос. Я сняла фартук, надела поверх рубашки темную накидку, потому что идти к воротам в рабочем виде — это приглашение к слуху, и вышла. В коридоре пахло подгоревшей кашей и холодным камнем, и где-то на лестнице хлопнула дверь, слишком далеко, чтобы понять кто.

У ворот толпились трое: начальник стражи, гильдейский надзиратель с моей пробиркой в руках и Тина, которая не ушла в ткацкую, а стояла в стороне, прижимая к груди моток шерсти, как щит. Надзиратель повернул пробирку так, что синий пигмент в ней вспыхнул, как маленькое северное солнце.

— Мастер Ланвей, — сказал он, и голос у него был такой ровный, что я поняла: злой. — Образец, который вы сдали утром, содержит не только охру и жженую кость. Здесь пигмент, который мы не заказывали. Холодный синий. Светящийся.

Он поднес пробирку ближе, и я почувствовала запах. Не химический, не слежавшийся. Живой, как мороз на железе. Кровь Сольдов, если верить тому, что рассказывают про их род и чего я до этой минуты не видела своими глазами.

— Это пигмент из-под лака, — ответила я, и голос мой был таким же ровным, как у него. — Снят с портрета покойной королевы в присутствии канцлера Сольда. Канцлер подписал протокол пробы как свидетель.

— Канцлер, — повторил начальник стражи, и у него дрогнула челюсть. — Канцлер был в мастерской ночью?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.